

Книга, избавляющая от заблуждений

Аль-Газали.

Вступление.

Хвала Аллаху, превосходящая все написанное и все сказанное.

Благословение Аллаха - Мухаммаду, Его пророку и посланнику, благодаря чьему путеводительству избегают заблуждения, а также его семье и сподвижникам.

...Ты просил меня, о брат мой по вере, поведать тебе о цели наук и их тайнах, о пределе учений и их глубинах, рассказать о том, что я пережил, извлекая истину из столкновений течений, придерживавшихся различных методов и образов действия; рассказать тебе о том, как я отважился подняться с подножия традиции на вершину пронизательности, во-первых; о том, какую пользу я извлек из учения калама, во-вторых; о том, что мне пришлось не по душе в методах талимитов, не способных постичь истину по традиции Имама, в-третьих; о том, что я осмел в методах философствования; и, наконец, о том, что мне понравилось в методах суфиев. Ты просил меня рассказать о том, какие жемчужины истины обнаружили предо мною, когда я изучал рассуждения людей, о том, что заставило меня прекратить распространение науки в Багдаде, несмотря на многочисленность учеников, и о том, что побудило меня возобновить это занятие в Нишапуре после длительного перерыва.

Убедившись в искренности твоего желания, я поспешил ответить на твою просьбу, моля Аллаха о помощи, уповая на Него, прося у Него содействия и покровительства. Знайте же (да благоволит Аллах вести вас по праведному пути и да облегчит Он вам Своим руководством движение ваше к истине), что различие людей по религиям и верованиям, а также различие толков внутри одного вероучения, вследствие обилия течений и противоречивости методов, подобно глубокому морю, в коем утонули многие и из которого выбрались лишь единицы, причем каждая группа утверждает, что спаслась именно она, и каждая группа чрезвычайно довольна своим учением. Это и есть то, что обещал нам Глава посланников Божьих, мир ему, - а он никогда не ошибался, - когда говорил: "Мой народ будет разделен на семьдесят три группы, из коих спасается лишь одна". Так что обещанное им свершилось.

В цветущие годы моей жизни, - с тех пор, как я достиг зрелости (а зрелости я достиг еще до того, как мне исполнилось двадцать лет), и до настоящего времени, когда мои года уже перевалили за пятьдесят, - я без конца бросался в пучину этого глубокого моря, бороздил как храбрец (а не как опасливый трус) дно его, залезал в трясину темных вопросов, бросался навстречу любой проблеме, шел напролом сквозь любые трудности, изучал догматы каждой партии и раскрывал тайные учения каждой секты, дабы отличить правого от лживого и тех, кто придерживается сунны, от тех, кто вводит еретические новшества. При этом я не пропустил ни одного представителя батыния [1] без того, чтобы не полюбопытствовать о смысле его учения; ни одного представителя захирия [2] без того, чтобы не загореться желанием ознакомиться с сущностью его учения; ни одного философа без того, чтобы не задаться целью достичь глубины его философии; ни одного мутакаллима без того, чтобы не постичь цели его калама и его диалектики; ни одного суфия без того, чтобы не воспытать страстью к проникновению в тайны суфизма; ни одного ортодокса без того, чтобы не полюбопытствовать, к чему сводится суть его ортодоксальности; ни одного еретика-безбожника без того, чтобы не проследить, откуда у него берется та дерзость, с которой он отвергает Всевышнего и предается ереси.

Жажда постижения истинной природы вещей была моим свойством и повседневным желанием, начиная с первых моих самостоятельных шагов, с первых дней моей юности. Это было инстинктом и врожденным качеством, кои были заложены в мою натуру Аллахом помимо моей воли и безо всяких усилий к тому с моей стороны. Благодаря этому с меня спали узы традиции и рассыпались унаследованные догмы уже к тому времени, когда я приблизился к отроческим годам. Ибо увидел я, что христианские отроки получали не иначе как христианское воспитание, иудейские -

иудейское, а мусульманские - мусульманское. Я слышал предание о Пророке, мир ему, в котором он говорит: "Каждый новорожденный появляется на свет в первородной чистоте, и лишь впоследствии родители делают из него либо иудея, либо христианина, либо мага". Уже в те отроческие годы душа моя устремилась к постижению первоначальной природы человека и истинной природы догм, приобретаемых путем подражания родителям и наставникам, к тому, чтобы разобраться, чем отличаются эти догмы одна от другой (а принципы их усваиваются в процессе обучения, и существуют разногласия в определении того, какие из них истинные и какие - ложные). И я думал про себя: "Первое, что мне нужно, - это познать истинную природу вещей, а потому мне неизбежно придется искать, в чем заключается истинная природа самого познания". Мне показалось, что достоверное знание - это такое знание, когда познаваемая вещь обнаруживает себя так, что при этом не остается места для сомнений, а само оно не сопряжено с возможностью ошибки, иллюзии, когда рассудок оказывается бессильным дать оценку его достоверности. Подобное знание должно быть настолько обеспечено от ошибки, что, если бы кто-нибудь, претендуя на опровержение его, в доказательство своей правоты превратил, например, камень в золото, а жезл - в змею, то и это не должно было бы вызвать никакого сомнения и колебания. Так, если бы я знал, что десять больше трех, и если бы кому-нибудь вздумалось сказать мне: "Нет, три больше, и в доказательство тому превращу вот этот жезл в змею", и если бы он действительно проделал это на моих глазах, я все равно не усомнился бы в том, что он не прав. Подобный человек вызвал бы во мне лишь удивление по поводу того, каким образом ему удалось это проделать, - сомнения же в достоверности моего знания он не пробудил бы никакого. Затем мне стало ясно: если мое знание и степень его достоверности не таковы, как об этом было сказано выше, такому знанию я не должен доверять - оно ненадежно, а всякое ненадежное знание не есть достоверное знание.

[1] Батыния - учение мусульман-исмаилитов, по которому истинный смысл Ислама может быть постигнут лишь путем аллегорического толкования Корана

[2] Захирия - учение, согласно которому приверженцы Ислама должны придерживаться буквального смысла священных книг

Вход в софистику и отрицание знаний.

При дальнейшем рассмотрении своих познаний я обнаружил, что таковые у меня лишены описанного выше свойства. Исключение составляли лишь чувственные данные и принципы, носящие необходимый характер. И я подумал: "Теперь, когда меня постигло разочарование, у меня не остается иного способа достижения достоверного знания, как приобретение его из самоочевидных вещей, т.е. из чувственных данных и из принципов, носящих необходимый характер. Сначала для этого нужно выяснить их, дабы убедиться, принадлежит ли доверие мое к чувственным данным и уверенность в безошибочности принципов, носящих необходимый характер, к тому же роду, что и прежняя моя вера и положения, основанные на традиции, равно как и вера большинства людей в положения, добытые умозрительным путем, или же это - уверенность обоснованная, не обманчивая и безопасная?"

Задавшись такой целью, я начал с величайшим усердием анализировать чувственные данные и положения, добытые умозрительным путем, и смотреть - не могу ли я заставить себя подвергнуть их сомнению. В результате долгих размышлений, когда я заставлял себя сомневаться в этом, я пришел к тому, что не мог себе позволить положиться также и на чувственные данные, и сомнение мое в отношении последних стало расти все больше и больше.

Я подумал: "Откуда у людей берется доверие к чувственным данным? Ведь самым сильным из чувств является чувство зрения. Но вот когда смотришь на тень, кажется, что она неподвижно стоит на месте, и ты отсюда заключаешь, что она не перемещается. Но стоит тебе для проверки посмотреть на эту же тень через час, как ты обнаруживаешь, что она все-таки перемещается, ибо двигается она не резкими толчками, а постепенно - ничтожными крупичками и безостановочно. Или смотришь, например, на звезду, и тебе кажется, что она совсем маленькая - не больше динара. Но потом геометрическим способом доказывается, что звезда эта по размеру своему превышает Землю. Так же обстоит дело и с другими чувственными данными. Повсюду судия Чувство выносит одно решение, а судия Рассудок выдвигает другое, опровергающее чувственные данные и вскрывающее в них обман настолько убедительно, что для защиты их не остается уже никакого средства".

После того, как рухнуло мое доверие и к чувственным данным, я подумал: "Верно, полагаться можно только на показания рассудка: ведь именно они являются такими принципами, как наши высказывания: "десять более трех", "отрицание и утверждение по отношению к одной и той же вещи несовместимы", "одна и та же вещь не может быть одновременно сотворенной и вечной, несуществующей и существующей, необходимой и невозможной".

Но тогда заговорили чувственные данные: "А почему ты полагаешь, что доверие твое к показаниям Рассудка не подобно тому доверию, которым пользовались у тебя чувственные данные? Ведь ты раньше доверял нам, а потом пришел Рассудок и опроверг нас, и если бы не Рассудок, ты наверняка бы еще продолжал доверять нам. А не может ли быть так, что за постигающей способностью Рассудка имеется другой судия, готовый появиться и опровергнуть Рассудок так же, как это сделал сам Рассудок, когда он появился и опроверг решения Чувств. И если подобная постигающая способность не проявляла себя, то это отнюдь не доказывает невозможности ее существования".

Мой ум некоторое время мешкал с ответом, и замешательству его способствовали размышления о природе сновидений. Я говорил себе: "Разве о сновидениях своих во сне ты не думаешь, как о чем-то непреходящем и устойчивом? Разве ты, будучи в состоянии сна, подвергаешь их каким-нибудь сомнениям? А затем, проснувшись, разве ты не убеждаешься в бессосновательности и незначительности всего того, что тебе пригрезилось и во что ты поверил? Так почему же ты думаешь, что всякая вещь, в которую ты благодаря чувству или рассудку веришь в бодрствующем состоянии, является истинной по отношению к этому твоему состоянию, хотя у тебя может появиться и такое состояние, которое будет относиться к твоей яви так же, как явь - к твоему сновидению, и явь твоя перед ней будет не более как сновидением? Так что, если придется тебе впасть в подобное состояние, ты убедишься: всё, что когда-то воображалось твоему рассудку, - лишь бессмысленная фантазия. Возможно, что это и есть то самое состояние, о котором как о присущем им говорят суфии, когда последние, углубившись в себя и отрешившись от чувств, становятся, по их утверждениям, очевидцами таких ситуаций, которые никак не могут быть приведены в согласие с показаниями рассудка. Возможно также, что подобным состоянием является смерть, ибо сказано было Главой пророков, первых и последних, мир ему: "Люди спят, а когда умрут - пробудятся". Быть может, посюсторонняя жизнь - сущее ничтожество по сравнению с жизнью потусторонней, и когда умрет человек, вещи покажутся ему не такими, какими они казались ему при посюсторонней жизни. И тогда будет сказано ему: "Мы сняли с тебя пелену, и зрение твое сегодня стало острым".

И когда мысль эта охватила меня, сжигая душу мою, подобно искре, высекаемой из огнива, я попытался излечить себя от этого недуга, но сделать это оказалось нелегко, ибо избавиться от него можно было лишь с помощью доказательства, а доказательство невозможно, если оно не построено на первичных принципах: если же последние не являются безошибочными, то, значит, и доказательства нельзя построить. Недуг мой, оказавшийся трудноизлечимым, продолжался около двух месяцев, в течение которых я размышлял над учением софистов. К размышлениям же этим меня толкало тогдашнее мое состояние, а не речи и разговоры посторонних лиц.

И продолжалось это до тех пор, пока Всевышний Аллах не исцелил меня от этой болезни и хвори и пока душа моя вновь не обрела прежнего здоровья и равновесия, а рассудочные принципы, носящие характер необходимости, вновь не оказались приемлемыми и заслуживающими полного

и безусловного доверия. Достиг же я этого не систематическим доказательством и упорядоченным рассуждением, а благодаря тому свету, который был заронен Аллахом в сердце мое. Свет этот служит ключом к достижению большинства знаний, и всякий, кто думает, что для обнаружения истины достаточно одних только доказательств, ставит узкие границы беспредельной милости Аллаха. Когда спросили посланника Божьего, мир ему, о том, что значит "отверзаться" в словах Аллаха: "Сердце того, кто желает быть руководимым Аллахом, отверзается им для Ислама", он ответил: "Это - свет, который Аллах роняет на сердце". Тогда спросили его: "А каков признак этого?" И он ответил: "Это - когда покидают обитель суеты и обращаются к обители бессмертия". И как раз об этом свете сказал он: "Аллах сотворил людей во мраке, а затем возлил на них частицу Своего света". Вот в этом-то свете и следует искать обнаружения истины. Свет этот льется из щедрот Божьих лишь на некоторых из живущих, и необходимо выждать его, или, как сказал Пророк, мир ему: "В дни вашей судьбины Господь ваш овеваает вас свежим дуновением, и вам остается только подставлять себя этому дуновению".

Настоящее повествование ведется с той целью, чтобы перед тобой встала полная картина тех трудов, которые привели меня, в конце концов, к поискам вещей, не нуждающихся в том, чтобы их искали. Ибо первичные принципы не являются чем-то искомым - они имеются налицо. А наличная вещь такова, что, когда ее ищут, она теряется и скрывается из виду. Человека же, занятого поисками вещей, не нуждающихся в том, чтобы их искали, нельзя будет заподозрить в нерадении при поисках того, что действительно должно быть еще найдено.

Категории искателей истины.

После того, как Аллах по милости Своей и широте щедрот своих избавил меня от этой болезни, у меня сложилось мнение, что категории искателей истины сводятся к четырем группам:

1. Мутакаллимы, выдающие себя за авторитетных и компетентных лиц.
2. Батыниты, заявляющие, что они поборники учения, особенностью которых является то, что они перенимают знания у непогрешимого Имама.
3. Философы, утверждающие, что они поборники логики и доказательства.
4. Суфии, притязающие на особую способность присутствовать при обнаружении истины,

притязающие на то, что они - люди непосредственного созерцания, люди обнаружения истины. И я сказал себе: "Истина не противится этим четырем категориям: ведь они шествуют по пути поисков истины, и если она ускользает от них, то, значит, постижение ее - дело безнадежное. Не возвращаться же обратно к традициям после того, как ты уже распрощался с ними! Традициям человек может следовать лишь при том условии, если подражание авторитетам у него носит бессознательный характер. Но стоит ему осознать это, как предмет его подражания подобно стеклу дает трещину и рассыпается на мелкие осколки. Трещину заделать невозможно, собрать и соединить между собой осколки нельзя - значит, остается только переплавить все это в огне и вместо прежнего предмета создать другой, совершенно новый".

Я поспешил вступить на этот же путь и исследовать взгляды каждой из перечисленных групп, ознакомившись, во-первых, с учением калама, во-вторых, с методом философов, в-третьих, с догматами батынитов и, в-четвертых, с методом суфиев.

Учение калама, его цель и сущность

Итак, я начал с учения калама. Я проштудировал и уразумел его, прочел книги, содержащие исследования представителей этого учения и сам написал о нем то, что считал необходимым. В результате я обнаружил, что в каламе содержатся знания, достаточно отвечающие цели мутакаллимов, но не достаточные для решения моей задачи. Мутакаллимы ставят своей целью сохранение принципа веры тех, кто придерживается Сунны, и защиту ее от той путаницы, которую

вносят в нее еретики вместе со своими новшествами. Всевышний Аллах вложил в уста Своего Посланника догму, которая и есть Истина, и в ней условие благочестивости их духовной и мирской жизни, как это сказано в Коране и преданиях. Но затем дьявол внушил еретикам вещи, противные Сунне, а еретики стали разглагольствовать об этих вещах и чуть было не смутили людей, верующих в истинные догматы Сунны. Поэтому-то и создал Всевышний Аллах школу мутакаллимов и побудил их к защите Сунны посредством систематического рассуждения, способного разоблачить новшества еретиков, смущающие людей и противные общераспространенной Сунне. Вот откуда ведут свое происхождение калам и его поборники. Ряд представителей этой школы во исполнение возложенной на них миссии примерно потрудились, защищая Сунну, борясь за очищение мусульманских догм, воспринятых вместе с проповедями Пророка, и заменяя новшества, привнесенные в них еретиками.

Однако мутакаллимы при этом опирались на посылки, заимствованные ими от своих противников. А к допущению этих посылок вынуждали их либо традиционные воззрения, либо единогласное решение религиозных авторитетов, либо одно лишь какое-нибудь высказывание, взятое из Корана или преданий. Все их длинные рассуждения сводились, как правило, к тому, что они выискивали неувязки в утверждениях противников и порицали их за то, что таковые не согласуются с требованиями принятых уже посылок. От всего того мало проку для человека, допускающего как истинные лишь те принципы, которые обладают характером необходимости. Поэтому калам не дал мне достаточно удовлетворительного объяснения того, что есть Истина, и не принес мне должного исцеления от того недуга, на который я жаловался.

Правда, с течением времени, когда искусство калама достигло значительной зрелости и стало хорошо разработанным, мутакаллимы загорелись желанием попытаться защитить Сунну, прибегая к исследованию истинной природы вещей, и они пустились толковать о субстанциях, акциденциях и их определениях. Но поскольку это не было целью их учения, рассуждения их по поводу этих вещей не достигли высокого уровня, им не удалось окончательно разрешить те трудности, которые возникают из противоречивых высказываний людей.

Я вполне допускаю, что рассуждения мутакаллимов привели к должному результату в отношении других людей - больше того, в отношении определенного ряда лиц, - я даже не сомневаюсь. Но результаты эти были далеки от безупречности, поскольку к рассуждениям мутакаллимов, касавшимся не первичных принципов, примешалась слепая вера в традиции.

Здесь я ставлю своей целью рассказать о тогдашнем моем положении, но отнюдь не выражать порицания тем, к кому я обращался за исцелением. Целебные средства бывают разными - в зависимости от характера болезни. Ведь сколько есть лекарств, которые для тебя будут полезными, а для другого окажутся вредными.

Философия.

Рассуждение о сущности философии; о том, что подлежит в ней осуждению, а что - нет; о тех ее положениях, в которых философы выступают как нечестивцы, и о тех, в которых они таковыми не выступают; о тех ее положениях, где философы допускают еретические новшества, и о тех, где они этого не допускают. Сообщение о том, что было похищено философами из высказываний поборников истины и что было перемешано ими с их собственными лживыми для придачи таковым той же степени истинности; о том, как в душах возникает неприязнь к подобной истине, и о том, как меняла, извлекающий чистую монету, отличает в их высказываниях настоящую истину от поддельной и фальшивой.

Покончив с учением мутакаллимов, я принялся за философскую науку.

Мне было хорошо известно, что судить о пороках того или иного вида науки может лишь человек, изучивший данную науку досконально - настолько, чтобы ему можно было встать вровень с наиученейшими из ее представителей, а затем, оставив их позади себя и превысив своими познаниями степень их учености, заниматься такими глубокими проблемами этой науки, о которых

представитель ее не имеет даже никакого понятия. Только при этом условии всякие суждения о пороках той или иной науки будут носить законный характер. А я не видел ни одного мусульманского ученого, который проявил бы внимание и интерес к этому предмету. В книгах же мутакаллимов, где они занимаются опровержением философов, о пороках этой науки говорится лишь самым бессвязным, запутанным образом, а противоречивость и никудышность их рассуждений настолько очевидна, что они, надо думать, не составили бы чести для какого-нибудь достаточно умного простолюдина, а не то что для людей, притязающих на знание наук во всех подробностях.

Поняв, что опровергать учение до того, как его уразумеешь и постигнешь суть его, все равно, что стрелять вслепую, я с засученными рукавами взялся за книги и принялся усердно штудировать эту науку. При этом я опирался только на прочитанное и не прибегал к помощи каких бы то ни было наставников и учителей. К этим занятиям я приступал в часы, оставшиеся от писания книг и чтения лекций по мусульманскому праву, хотя я и был очень перегружен преподавательской деятельностью, ибо мною читались лекции и давались уроки в Багдаде студентам числом в триста душ. Аллаху, Славному и Всевышнему, было угодно, чтобы за неполные два года, благодаря только урывочному чтению, я овладел полным объемом философских наук. Усвоив их, я в течение еще почти одного года беспрестанно размышлял над ними, по несколько раз пересматривая их положения, вновь и вновь вникая в их сокровенные тайны. В конце концов, я твердо разобрался в том, что в них обманчивого и ложного, что - справедливого и что - призрачного.

А теперь послушай, к чему сводятся философские науки. Я увидел, что философы делятся на ряд категорий, а науки их - на несколько разрядов. Но на всех философах, к какой бы из многочисленных категорий они ни принадлежали, непременно лежит одно и то же клеймо - неверия и безбожия, хотя между древними и древнейшими из них и между поздними и ранними - великая разница - в смысле того, что одни из них дальше от истины, а другие - ближе.

Категории философов и общность их в отношении того, что на всех них лежит печать неверия. Знай, что они, несмотря на многочисленность их школ и различие их учений, делятся на три части: на дахритов, естествоиспытателей и метафизиков.

Первая категория - дахриты. Это была группа древнейших мыслителей, не признававших всеорганизующего, всеведущего и всемогущего Творца и утверждавших, что мир всегда существовал так сам и не имел Творца, что животное всегда происходило из семени, а семя - из животного, что так было и так будет во веки веков. Это - еретики.

Вторая категория - естествоиспытатели. Это были люди, проводившие крупные изыскания в мире природы, разыскивавшие диковинные породы животных и растений и занимавшиеся многочисленными исследованиями в области науки об анатомическом строении органов животных. В процессе этих изысканий они увидели такие чудеса творения Всевышнего Аллаха и такие изумительные плоды Его мудрости, что вынуждены были признать существование некоего мудрого Творца, Коему ведомы смысл и назначение всех вещей. Ибо невозможно, чтобы кто-нибудь изучал анатомию и изумительные проявления целесообразности органов и в то же время не пришел к этому необходимому знанию о совершенстве, с которым великий зодчий распорядился о строении животного, особенно - о строении человека. Но, по мнению естествоиспытателей, переусердствовавших в своих натуралистических изысканиях, оказывалось, что соразмерность темперамента имеет влияние на состав потенции животного. Они думали, что мыслительная потенция человека также зависит от его темперамента и что она исчезает и гибнет вместе с исчезновением темперамента. Далее, утверждали они, немислимо возвращение того, что раз уже погибло. Отсюда они делали дерзкие выводы о том, что душа умирает и не возвращается. Тем самым они отвергали потустороннюю жизнь, отрицали Рай, Ад, Воскресение, Страшный Суд и Расплату. По их мнению, послушание уже не вознаграждалось, а неповиновение не влекло за собой наказания. Узы с них спали, и они по-скотски предались утолению низменных страстей. Это - еретики, ибо основа вероисповедания - вера во Всевышнего Аллаха и в Судный День. Люди же эти отвергали День страшной расплаты, хотя и верили в Аллаха и в его атрибуты.

Третья категория - метафизики. К ним относятся философы позднейших времен - такие, как Сократ, учитель Платона, который в свою очередь был учителем Аристотеля. Последний привел в

порядок логику, придал стройный вид наукам, написал то, что не было до этого написано, и довел до зрелости те науки, которые были еще незрелыми. Все эти люди высказывали свои возражения в адрес двух первых категорий - дахритов и естествоиспытателей - и, раскрывая несостоятельность их утверждений, они проделали такую работу, что остальным уже проделывать это не было никакой необходимости.

А грызлись же они между собой - избави Аллах, чтобы подобное случилось среди правоверных! Так, Аристотель, подвергая своим нападкам Платона, Сократа и других предшествовавших ему метафизиков, не удовлетворился до тех пор, пока не разделался с ними со всеми, хотя сам он глубоко погряз в пороках того же неверия и той же ереси, что и его предшественники. Остальным также не удалось освободиться от неверия и ереси, поэтому появилась необходимость разоблачать неверие как этих метафизиков, так и их приверженцев из числа философствующих мусульман, к каковым принадлежат, например, Ибн-Сина, аль-Фараби и им подобные, хотя нужно отметить, что ни один из философствующих мусульман не постиг аристотелевской науки так глубоко, как эти два мужа; произведения других философствующих мусульман, посвященные пересказу аристотелевской науки, несвободны от такой путаницы и такой неразберихи, что рассудок читателя приходит от них в полное замешательство, и он не может разобраться ни в этой науке, ни в том, как ему следует отнестись к ней: отвергать ее или же соглашаться с ней. Все, что дошло до нас в неискаженном виде из аристотелевской философии, благодаря передаче ее упомянутыми двумя мужами, может быть сведено к трем разделам. При этом содержание первого из них должно быть отвергнуто как нечестивое, содержание другого - как еретическое, а содержание третьего не следует отвергать совсем. Рассмотрим же их по порядку.

Разделы их наук.

Знай, что, соответственно поставленной нами задаче, философские науки распадаются на шесть разделов: математику, логику, физику, метафизику, политику и этику.

Что касается математики, то к этой науке относятся арифметика, геометрия и астрономия. Последние же не имеют никакого отношения к религиозным предметам - ни в смысле отрицания таковых, ни в смысле утверждения. Это - доказательные предметы, отрицание которых становится невозможным после того, как они поняты и усвоены. И все же они повлекли за собой два несчастья.

Первое из них заключается в том, что всякий, изучающий математику, приходит в такой восторг от точности охватываемых ею наук и ясности их доказательств, что о философах у него начинает складываться благоприятное мнение. Он начинает думать, что все их науки обладают тем же четким и строго аргументированным характером, как и эта наука, а затем, если окажется, что он уже слышал людские разговоры об их неверии и безбожии и об их пренебрежительном отношении к шариату, такой человек сам становится богоотступником - и все из-за того, что доверился этим философам. При этом он рассуждает так: если бы истина была в религии, последняя не упряталась бы от этих людей, проявляющих такую точность в данной науке. Поэтому, когда подобный человек узнает из разговоров об их неверии и безбожии, он принимается искать доводы в подтверждение того, что истина заключается именно в отвергании и отрицании религии. И сколько довелось мне видеть людей, вот так же отбивавшихся от истины, когда единственным основанием для этого служили подобные рассуждения! Если такому человеку говорят: "Знаток в одном искусстве не обязательно должен быть знатоком в каждом искусстве: знатоку в юриспруденции и каламе не обязательно быть знатоком в медицине, и не обязательно человеку, несведущему в умозрительных науках, быть также невеждой и в грамматике; каждое искусство представлено людьми, достигшими в нем высокой степени совершенства и перегнавшими других в данной области, но в то же время могущими оказаться профанами и невеждами в других областях; математические рассуждения древних мыслителей доказательны, метафизические - предположительны, и знает это только тот, кто сам испытал и постиг их", - если это

втолковывается человеку, впавшему в заблуждение из-за преклонения перед авторитетами, он и тогда продолжает упорствовать. Мало того, любовь к пустословию, страсть к куражу и желание поумничать толкает его к тому, что он настаивает на признании этих людей знатоками во всех науках без исключения. Это - очень большое несчастье. Поэтому необходимо постоянно держать под уздой каждого, кто занимается указанными науками. Хотя науки эти и не связаны с религиозными предметами, все же, будучи основополагающими принципами всех их знаний, они являются для такого человека источником всех тех бед и злосчастий, коим подвержены и сами математики. Мало существует людей, занимающихся математикой и не становящихся при этом вероотступниками, не скидывающих с голов своих уз благочестия.

Причиной второй являются некоторые невежественные друзья ислама, решившие, что религии можно помочь путем отрицания всякой науки, исходящей от математиков. Таким образом, они отвергали все науки математиков и утверждали, что последние якобы проявляют в них полное невежество. Они доходили до того, что отвергали их рассуждения о солнечных и лунных затмениях, называя их противозаконными. Когда же такие рассуждения доходили до слуха человека, познавшего все эти вещи на основании неопровержимых доказательств, человек этот начинал сомневаться в своих доводах, но, решив, что ислам основан на невежестве и на отрицании неопровержимых доказательств, проникался к философам еще большей симпатией, а к исламу - презрением. Большое преступление перед религией совершают люди, решившие, что исламу можно помочь отрицанием математических наук!

Мусульманский закон не имеет никакого отношения к этим наукам - ни в смысле отрицания их, ни в смысле утверждения. Равным образом математические науки не имеют никакого отношения к религиозным предметам. Посланник Божий, мир ему, говорил: "Воистину, солнце и луна - два чуда из чудес Всевышнего Аллаха; они не затмеваются ни для смерти кого-нибудь, ни для чьей-либо жизни. Если же вы будете свидетелями этого, прибегайте к упоминанию имени Всевышнего Аллаха и к молитве". В этих словах Пророка, мир ему, не содержится никакого отрицания по отношению к арифметике, которая в специальной форме определяет движение солнца или луны и их совмещение или противостояние...

Таково свойство математики и таково порождаемое ею несчастье.

Что касается логики, то она не имеет никакой связи с религией, ни в смысле отрицания ее, ни в смысле утверждения. Она заключается в изучении способов построения доказательства и умозаключения, условий выдвижения первых посылок доказательства и способов их составления, а также условий и способов построения правильного определения. Знание есть либо понятие, получаемое путем определения, либо - суждение, получаемое путем доказательства. В логике нет ничего, подлежащего отрицанию, - она принадлежит к такому роду вещей, о которых говорят и мутакаллимы и люди, авторитетные в вопросах аргументации. Последние отличаются от логиков только в том, что касается отдельных формулировок и терминов, а также тем, что у них определения и классификации получили более детальную разработку. Примером их логических рассуждений может служить такое: "если верно, что любое А есть Б, то необходимо, чтобы некоторые Б были А", или, иными словами, "если верно, что любой человек есть животное, то необходимо, чтобы некоторые животные были людьми". То же самое они выражают и так: "общеутвердительное суждение обращается в частно-утвердительное". Какое имеет все это отношение к вопросам религии, чтобы опровергать и отрицать логику? Отрицание ее приводит лишь к тому, что у логиков складывается дурное мнение не только об интеллекте отрицающего, но и о его религии, которая, по утверждению последнего, освящает это отрицание.

Правда, логики в своей науке приходят в некоторое заблуждение, заключающееся в том, что они связывают доказательство с многочисленными условиями, которые, как они полагают, обязательно должны дать достоверное знание. Однако стоит логикам дойти до религиозных предметов, как они, оказываясь не в состоянии выполнить этих условий, делают большие отступления от выдвинутых ими же положений.

Может случиться так, что какой-либо человек, одобрительно относящийся к логике, рассмотрев эту науку и найдя ее ясной, подумает, что все исходящие от логиков ереси подкреплены такими же доказательствами, и, не дожидаясь того момента, когда дойдет до метафизики, поспешит сам заделаться еретиком.

Это - еще одно несчастье, подстерегающее такого человека.

Что касается физики, то она заключается в изучении мира небесных сфер, их звезд и расположенных под ними простых тел - таких, как вода, воздух, земля и огонь, - и сложных тел - таких, как животные, растения и минералы, - а также в изучении причин изменения, превращения и смещения их. Все это похоже на то, как медицина изучает человеческое тело, его главные и служебные органы и причины превращения в их строении. Религия не имеет оснований отрицать врачебную науку. В равной мере у нее нет оснований для отрицания физики, за исключением определенных вопросов, изложенных нами в книге "Опровержение философов", а также прочих случаев, когда рассуждения физиков должны быть оспариваемы. При ближайшем же рассмотрении оказывается, что физика находится по отношению к религии в подчиненном положении. В основу всей физики должно лечь понимание того, что природа подчиняется Всевышнему Аллаху, что она не самостоятельна, но, напротив, является послушным орудием в руках своего Творца. Солнце, луна, звезды, природные тела - все подчиняются повелениям Его, и в них нет ничего такого, что действовало бы само собой и само через себя.

Что же касается метафизики, то большинство заблуждений философов заключается именно в ней. Они не сумели осуществить доказательств по условиям логики, поэтому относительно этих доказательств среди них возникли большие разногласия. Учение Аристотеля - в том виде, в каком оно было передано аль-Фараби и Ибн-Синоу - оказалось наиболее близким к учениям мусульманских философов. Однако все допущенные ими ошибки могут быть сведены к двадцати принципам, из коих три должны быть признаны противоречивыми, а семнадцать - еретическими. Для того, чтобы доказать несостоятельность их учения в этих двадцати вопросах, мы составили книгу "Опровержение", а что касается упомянутых трех вопросов, то в них философы выступили против всех мусульман.

Эти вопросы излагаются в следующих их высказываниях: "Тела не воскресают; воздаяния и наказания получают лишь души; воздаяния и наказания носят духовный, но не телесный характер". Их высказывания верны там, где утверждается существование духовных воздаяний и наказаний (таковые действительно также существуют), но неверны там, где отрицается существование телесных воздаяний и наказаний. Их высказывания безбожным образом противоречат шариату. Сюда же относится и такое их высказывание: "Всевышний Аллах обладает знанием об универсальном, но не об индивидуальном". Это - еще одно очевидное проявление неверия. Истина же заключается в том, что "от ведения Его не укрывается ни одна вещь, будь она величиной с пылинку, ни на небесах, ни в земле". Сюда относится также их высказывание об извечности и нетленности мира. Что-нибудь подобное не осмеливался еще утверждать ни один мусульманин. За такими высказываниями кроется отрицание атрибутов Аллаха, их утверждение, что Аллаху ведомы лишь сущности и что кроме таковых Он ничего не знает. Что касается последних утверждений, то они роднят учение этих философов с учением мутазилитов. Неверие же мутазилитов нельзя разоблачать так же, как мы это сделали в отношении этих философов: в книге "Судящий о различии между исламом и ересью" нами была уже вскрыта порочность мнения тех, кто спешит обвинить в неортодоксальности все, что противоречит их собственному учению. Что касается политики, то все их разговоры здесь сводятся к рассуждениям о житейской мудрости, связанной с мирскими и правительственными делами. Вся эта премудрость заимствована ими из писаний, ниспосланных Аллахом Посланникам Своим, и из мудрых изречений, унаследованных от первых пророков.

Что касается этики, то все их рассуждения сводятся к определению свойств и нравственных качеств души, к перечислению их родов и видов, а также - способов исцеления души и преодоления ее страстей. Все это заимствовано ими из рассуждений суфиев, людей достойных и непреклонных в богомыслии и противодействии страстям, в следовании по пути, ведущему к Всевышнему Аллаху, где они сторонятся мирских наслаждений.

Нравственные качества души, недостатки ее и пороки в ее действиях - все те вещи, о познании которых заявляют суфии, - раскрылись перед ними в результате их подвижничества, а потом все это было взято философами, перемешано ими с их собственными рассуждениями и расхвалено на все лады с тем, чтобы их небылицы нашли затем сбыт среди людей. В их время - да не только

в их - в каждую эпоху существовала особая категория людей, мнивших себя богами, от которых великий Аллах не очистил мир...

В былые времена они придерживались того, что содержится в Коране. В результате же смешения ими изречений Пророка, мир ему, и суфиев с их собственными произведениями произошло два несчастья:

- 1) несчастье для тех, кто принимает это;
- 2) несчастье для тех, кто это отвергает.

Что касается несчастья для тех, кто отвергает, то оно велико. Ибо целый ряд людей со слабыми рассудками подумали, что эти изречения, будучи занесены в их произведения и смешаны с их лживыми рассуждениями, должны быть преданы забвению и брошены. Более того, по их мнению, люди, упоминающие их, подлежат порицанию, поскольку эти высказывания они слышали впервые только от них, а их слабым умам еще раньше было известно, что это - лживые люди. С такими людьми происходит то же, что и с человеком, который, услышав, как христианин говорит: "Нет бога кроме Бога, и Иисус - посланник Божий", - отвергает эти слова, думая: "Это - слова христианина". Но он не дает себе отчета, на каком основании он считает христианина нечестивцем: на основании ли этого его высказывания или на основании того, что он отрицает пророческую миссию Мухаммеда, мир ему. Если он нечестив только потому, что отрицает пророческую миссию Мухаммеда, мир ему, то не следует противоречить ему там, где он не выступает нечестивцем, т. е. там, где его высказывания истинны сами по себе, пусть даже если они будут истинными также и с его точки зрения. Таков обычай людей со слабыми рассудками: они познают истину через людей, а не людей через истину.

Умный человек следует изречению повелителя правоверных Али Ибн-аби-Талиба (последний из четырех праведных халифов, правил с 656 по 661 г.), сказавшего: "Не познавай истину через людей, но познавай истину саму по себе - и ты узнаешь ее поборников". Умный человек познает истину, а затем рассматривает суть высказывания. Если это высказывание оказывается истинным, он принимает его - все равно, будет ли автор лживым человеком или правдивым. Больше того, он может стремиться извлечь истину из высказываний заблудших людей, памятуя, что и золото кроется в обыкновенной земле. Ведь нет беды, если меняла, уверенный в собственной проницательности, запускает руку в кошель своего клиента, извлекая оттуда чистое золото, отбрасывая фальшивые и поддельные монеты. Поэтому-то иметь дело с теми, кто меняет свои деньги, не рекомендуется деревенскому простачку, а не искусному в своем деле меняле - подобно тому, как не допускается к берегу моря неуклюжий человек, а не умелый пловец, и подобно тому, как трогать змею возбраняется отроку, а не искусному заклинателю.

Клянусь своей жизнью, среди большинства людей укоренилось мнение о самих себе как о людях высокого мастерства и искусства, как о людях, обладающих совершенным рассудком и способных поэтому отличать истину от лжи и праведный путь от заблуждения. Поэтому необходимо по мере возможности закрывать им всем доступ к чтению книг, написанных заблудшими людьми, ибо, если даже не приключится с ними упомянутого несчастья, они все же не спасутся от несчастья, о котором речь пойдет ниже.

Некоторые высказывания в разных наших сочинениях, посвященных таинствам богословских наук, встретили возражение среди определенного круга лиц, недостаточно сильных в науках и недостаточно проницательных в том, что касается сокровенных целей различных учений. Они утверждали, что, мол, эти высказывания заимствованы у древних мыслителей, хотя некоторые из них являются порождениями разных умов (бывает же так, что одно копыто попадает по следу другого копыта), иные - встречаются в книгах по шариату, а идеи большинства их содержатся в книгах суфиев. Ну, допустим, что эти высказывания содержались только в книгах древних мыслителей. Есть ли надобность считать неприемлемыми или порочными эти высказывания, если они сами по себе разумны, подкреплены доводами и нисколько не противоречат святому Писанию и Сунне? Если бы мы стали действовать подобным образом и стали на путь отрицания всякой истины, пришедшей ранее на ум какого-либо лжеучителя, нам пришлось бы отказаться от многих истин. Нам пришлось бы отказаться от некоторых коранических стихов, рассказов о посланнике Божьем, повествований о предшествовавших праведниках и изречений мудрецов и суфиев только потому, что автор книги "Братья чистоты" привел их в своем сочинении, ссылаясь на них при

доказательстве своих утверждений и пользуясь ими для того, чтобы приманить глупые головы к своему лжеучению. Такой образ действий грозит нам тем, что истина может уйти от нас и стать достоянием лжеучителей, притязавших на нее в своих сочинениях.

Наименьшая степень учености заключается в том, чтобы ученый хоть чем-то отличался от неискушенного простолюдина. Так, ученый не будет брезговать медом, если даже найдет его в банке циркульника: он хорошо знает, что банка эта не вносит изменений в природу меда. Отвращение же к нему возникает лишь в душе какого-нибудь простолюдина, который на основании того, что банка предназначена для хранения нечистой крови, будет полагать, что кровь нечиста, потому что ее хранят в этой банке. Ему и невдомек, что кровь нечиста из-за определенного свойства, заключенного в самой ее природе, что мед, не обладая подобным свойством, но будучи помещенным в такой сосуд, не приобретает от этого указанного свойства, и что поэтому мед не должен считаться чем-то нечистым. Все это - глупое воображение, но оно присуще большинству людей. Стоит тебе, отыскивая авторство того или иного высказывания, указать на человека, пользующегося среди них доверием, как они согласятся с этим высказыванием, будь оно даже ложным. Но стоит тебе указать на человека, пользующегося среди них дурной славой, как они отвергнут это высказывание даже в том случае, когда оно будет правильным. Подобные люди познают истину через людей, а не людей через истину, и впадают, таким образом, в глубокое заблуждение.

Таково несчастье, вытекающее из отвергания.

Теперь - о несчастье, возникающем из приятия этого. Приключается оно таким образом: люди, просматривая книги философов (такие, как "Братья чистоты" и др.) и обнаруживая в них мешанину из их собственных высказываний и мудрых изречений Пророка и рассуждений суфиев, могут отнестись к ним одобрительно, согласиться с ними и поверить им. Эти люди могут необдуманно вместе со всей этой смесью усвоить их лживые рассуждения, будучи хорошего мнения о том, что им довелось прочесть и одобрить. Это - своеобразный способ привлечения людей к ложному учению. Во избежание этого несчастья необходимо удерживать людей от чтения чреватых вероломством и опасностью книг философов. Так же, как следует присматривать за плохим пловцом, дабы он не оказался у скользкого обрыва, нужно присматривать за людьми, чтобы они не брались за чтение этих книг. Так же, как следует присматривать за отроком, дабы он не вздумал прикоснуться к змее, нужно присматривать за людьми, чтобы до слуха их не доходила мешанина из всех этих рассуждений.

Мудрый человек должен поступать так же, как заклинатель змей. Заклинатель не должен прикасаться к змее в присутствии своего малолетнего ребенка, если он знает, что ребенок будет подражать ему, возомнив себя заклинателем. Наоборот, ему надлежит внушать своему ребенку осторожность, подавая для этого личный пример и не прикасаясь к змее в его присутствии. Далее, мудрый человек должен следовать примеру заклинателя змей и в таком отношении: после того, как искусный заклинатель, взяв в руки змею и отделив у нее териак от яда, извлекает из него териак и обезвреживает яд, он может, не скупясь наделить териаком всякого, кто в нем нуждается. Ученый должен поступать так же, как пронизательный меняла, разбирающий монеты. Последний, запустив руку в кошель своего клиента, извлекает оттуда чистые золотые монеты, отбрасывая фальшивые и поддельные, после чего он может не скупясь наделить полноценными монетами всякого, кто в них нуждается.

Далее. В душе человека, нуждающегося в териаке, может возникнуть к нему чувство гадливости, когда тот узнает, что териак извлечен из змеи - из этого скопища яда. Такому человеку необходимо растолковать, в чем дело. Равным образом бедняк, нуждающийся в деньгах, может оскорбиться, когда ему будет предложено принять золото, извлеченное из кошеля клиента менялы. В таком случае бедняку надо указать на то, что он здесь проявляет лишь простое невежество - то самое, из-за которого он лишен требуемых им благ. Ему следует разъяснить, что близкое соседство фальшивых монет с полноценными не делает полноценные монеты фальшивыми, а фальшивые - полноценными. Совершенно так же близкое соседство истины с ложью не делает истину ложью, а ложь - истиной.

Этим мы и хотим ограничить наше рассуждение о пагубном и вредоносном действии философии.

Учение талимитов и его вред.

Затем, когда я покончил с философской наукой, подвел ей итоги, разъяснил ее и вскрыл в ней ту фальшь, которая требовала разоблачения, мне стало ясно, что этого тоже недостаточно для полного достижения цели, с помощью одного только разума невозможно охватить те вопросы, которые требовалось еще разрешить, и что разум не способен поднять завесы над всеми проблемами.

К этому времени большую известность приобрело учение талимитов; среди людей широко распространились толки о познании смысла вещей через посредство Имама, непогрешимого и стоящего на истине. И мне пришлось в голову заняться поисками их высказываний для ознакомления с содержанием их книг.

Затем случилось так, что ко мне прибыло решительное повеление государя нашего халифа, согласно которому я должен был составить книгу, раскрывающую истинный смысл их учения. Этого я не мог не сделать: указанное повеление явилось лишь внешним мотивом, дополнительным к уже возникшему в моей душе внутреннему побуждению. И я взялся за поиски их книг и начал собирать их высказывания. Еще ранее до меня дошли некоторые новые, оригинальные мысли талимитов, которые зародились в головах их современных представителей, не шедших в данном случае по дороге, проторенной их предшественниками. Теперь я собрал их высказывания воедино, внес в них порядок, приведя доводы, подтверждающие их положения, и проследив ход их рассуждений, дабы проверить затем их истинность, дал исчерпывающие ответы на все вопросы, могущие быть предъявленными талимитами. И сделано это было так, что некоторые поборники истины подвергли порицанию ту чрезмерную педантичность, с которой я изложил аргументацию в пользу их учения. Эти люди сказали: "Ведь ты здесь для них стараешься. Они никогда не смогли бы справиться с теми недоразумениями, с которыми сталкиваются в своем учении, если бы ты не исследовал их и не привел бы их в такой порядок".

Порицание это в некотором отношении резонно. Еще Ахмад бну Ханбал [3] порицал Аль-Хариса Аль-Мухасибби [4] (да смилостивится Аллах над ними обоими) за его сочинение, посвященное опровержению мутазилитов. В ответ на это Аль-Харис сказал: "Опровержение ереси - долг". На что Ахмад возразил: "Правильно, но сначала ты изложил их недоразумения и только потом уже дал на них ответ. Ведь может случиться, что с ошибочными их положениями ознакомится человек, который их поймет, а на ответ твой либо не обратит внимание, либо же, прочтя его, не уразумеет его сути. Чем ты гарантирован от этого?" Ахмад прав, но только в отношении недоразумений, не имеющих распространения и не пользующихся широкой известностью. Если же таковые получают распространение, то ответ на них необходим. Ответить же на них можно только тогда, когда они изложены. В самом деле, нельзя, чтобы этим людям приписывались ошибки, которых сам я еще не испытал. Больше того, я уже слышал об этих ошибках от одного из моих приятелей, расхваливавших со мной во мнениях, после того, как тот примкнул к ним и принял их учение. Он рассказывал, как они смеются над писаниями тех, кто старается опровергнуть их, ибо последние делали это, еще не поняв их аргументации. Он привел их доводы и рассказал, как они ими пользуются. После этого, не желая, чтобы он подумал, будто основные их доводы мне неизвестны, я изложил их; а чтобы он не подумал, будто я, зная их понаслышке, не понял их, изложил их позитивно. Цель моя была достигнута: я в утвердительной форме изложил их ошибки, приведя все доводы за допустимость их истинности, а затем с предельной доказательностью обнаружил порочность этих ошибочных положений. И я пришел к такому выводу: из их учения не вытекает никакого вывода, и рассуждения их бесполезны.

Если бы не дурная услуга невежественных друзей Ислама, ересь эта, несостоятельная сама по себе, не получила бы такого распространения. Только сила фанатизма невежественных друзей

Ислама вынудила поборников истины вести с ними долгие споры относительно посылок, на которых зиждятся их рассуждения, и возражать на каждое сказанное ими слово. Так, они возражали на их утверждения о том, что есть потребность в существовании Учения и Учителя и что "не каждый учитель прав, но необходимо, чтобы был один непогрешимый учитель".

Аргументация их заключается в выявлении того, что существует потребность в Учении и Учителе. Возражения же тех, кто отрицает это, несостоятельны. Последнее обстоятельство вызвало чувство самообольщения среди талимитов, возомнивших, что это является свидетельством силы их учения и несостоятельности учения их противников. Талимитам было невдомек, что так получилось лишь из-за слабости поборников истины и неразумности выбранного ими пути. Правильным же было бы признать существование потребности в Учителе, необходимости его и того, что таковой должен быть непогрешимым. Но следовало оговориться, что наш непогрешимый Учитель - это Мухаммед (мир ему).

Если же талимиты скажут: "Ваш учитель уже мертв", мы ответим: "А ваш учитель скрыт". Они могут сказать: "Наш учитель дал наставления своим проповедникам и разослал их по странам, готовый дать им советы в том случае, если среди них возникнут разногласия или перед ними встанут какие-нибудь трудности". Тогда мы ответим: "И наш учитель дал наставления своим проповедникам и разослал их по странам. И он сделал свое Учение совершенным, ибо сказано было Всевышним Аллахом: "Сегодня Я сделал для вас совершенной религию вашу и завершил для вас Свое благодеяние". А раз учение доведено до совершенства, ни смерть учителя, ни его отсутствие не могут причинить никакого вреда".

Осталось еще одно высказывание: "Как вы можете обсуждать вещи, о которых вы ничего не слышали? На основании текста? Но вы не слышали его. Или, может быть, на основании иджтихада [5]? Но таковые представляются спорными". В этом случае мы ответим: "Мы поступаем так, как поступил Муаз, когда Посланник Божий (мир ему) направил его в Йемен, - если имеется текст, мы судим на основании текста, если же такового нет, мы судим на основании иджтихада. Больше того, аналогичного правила придерживаются и их проповедники в тех случаях, когда они удаляются от своего Имама в дальние края, ибо при таких обстоятельствах им не представляется возможным судить на основании текста. Конечные тексты не могут охватить бесконечного множества случаев, а проповедник не может в каждом случае возвращаться в город, где живет его Имам. Кроме того, не исключена возможность, что проповедник, преодолев должное расстояние, чтобы вернуться к Иمامу, у которого он хотел получить фетву [6], найдет его мертвым, и вся его поездка тогда окажется бесполезной. Возьмем, далее, человека, затрудняющегося при определении Кибли (Кибла - направление молитвы). При совершении молитвы ему можно руководствоваться только иджтихадом, так как, если бы он отправился разузнать о Кибле в город, где живет Имам, время молитвы им было бы упущено. Таким образом, можно совершать молитву и не обращаясь в сторону Кибли, но основываясь лишь на мнении, ибо сказано было: "Ошибающийся в иджтихаде получит воздаяние, а достигающий в нем истины - двойное воздаяние".

Так обстоит дело со всеми вопросами, разрешаемыми на основании иджтихада - например, при распределении заката среди бедных. Основываясь на личном иджтихаде, могут принять кого-либо за бедняка, хотя тот может оказаться скрытым богачом, утаивающим свое состояние. Но упрекать ошибавшегося человека за это нельзя, ибо суждению подлежит только человек, поступающий наперекор тому, чего требует его собственное мнение.

Когда же талимит спросит: "А что если мнение человека сходно с мнением его противника?", мы ответим: "Он должен придерживаться собственного мнения так же, как человек, определяющий Киблу, - он придерживается своего мнения, хотя оно может быть оспариваемо другими". А буде спросит: "Тот, кто следует за другими, - следует ли он за Абу-Ханифа, за аш-Шафии (да будет доволен ими Аллах) или за кем-нибудь другим?", то я скажу: "А как поступает тот, кто следует за другими при определении Кибли, когда среди людей, прибегающих к иджтихаду, обнаруживается противоречие?" На это талимит нам ответит: "Он сам имеет право на иджтихад при определении человека самого достойного, лучше всех знающего признаки, по которым устанавливают Киблу. Так же обстоит дело и в отношении вероучений".

Пророки и имамы позволили людям опираться на личный иджтихад при крайних обстоятельствах, зная, что последние могут при этом и ошибиться. Но Посланник Божий (мир да будет над ним) сказал: "В моем ведении явное, а Аллах ведаёт сокровенными мыслями", т. е., мол, в моем ведении - преобладающее мнение, которое получается из высказываний свидетелей, а последние могли в них ошибиться. В подобных случаях пророки не могут поручиться за то, что там не будет ошибки. Как же нам можно об этом мечтать!

И тут они выдвигают два вопроса.

Первый вопрос. Они говорят: "Если это правомерно в отношении случаев, требующих иджтихада, то это не правомерно в отношении догматов вероучения. Как же быть - ведь ошибающимся в этих вопросах нет прощения!" На это я отвечаю: "Догматы вероучения содержатся в святом Писании и в Сунне. А что касается подробностей и спорных вопросов, не охватываемых Писанием и Сунной, то истина в них определяется путем взвешивания на "правильных весах", т. е. согласно тем правилам, о которых в Своем писании говорил Всевышний Аллах. Этим мерил - пять, и речь о них шла в моей книге "Правильные весы".

Если же возразят: "Враги твои не согласны с тобой в том, что касается этого мерила", я отвечу: "Невообразимо, чтобы это мерило, будучи понято, явилось для талимитов объектом каких-либо разногласий, ибо извлек я его из Корана и по нему же и изучил его". Это мерило не может стать объектом разногласий и для логиков, ибо оно находится в полном согласии с условиями, предпосланными ими логике, и не противоречит им. Мерило это не может стать также объектом разногласий и для мутакаллимов, ибо оно находится в соответствии с их рассуждениями относительно теоретических доказательств, и с его помощью определяется истина в диалектических рассуждениях".

А буде скажут: "Раз в твоих руках находится подобное мерило - почему же ты не покончишь с людскими разногласиями?", то я отвечу: "Если бы они выслушали меня, я положил бы конец их разногласиям. А о способе устранения разногласий говорится в моей книге "Правильные весы" - вникни в то, что там говорится, и ты поймешь, что сказано там правильно и что если бы они прислушались ко мне, разногласиям этим был бы положен конец раз и навсегда. Но только не все они мне внемлют! Правда, некоторые все же прислушались ко мне, и я покончил с их разногласиями".

"А твой Имам, - сказал бы я талимиту, - желает покончить с людскими разногласиями без того, чтобы ему внимали. Спрашивается, почему же он не покончил по сию пору с этими разногласиями? И почему их не прекратил Али (да будет доволен им Аллах)? А ведь он - глава имамов! Или, может быть, твой Имам думает, что способен склонить их выслушать себя силой? Так почему же по сей день он не склонил их к этому? И когда он собирается сделать это? И получили ли люди от его призыва что-нибудь, кроме обострения разногласий и умножения спорных вопросов? Да, люди опасались, что разногласия причинят тот или иной вред, но не такой, чтобы дело дошло до кровопролития, разорения страны, осиротения младенцев, дорожного разбоя и разграбления чужого добра! А из-за вашего "прекращения разногласий", по вашей милости на свете произошли такие столкновения, каких люди не видели и в века".

Талимит может сказать: "Ты утверждал, что кладешь конец людским разногласиям. Но возьмем человека, который растерялся, оказавшись между враждующими учениями и слыша с разных сторон взаимопротиворечивые высказывания. Нельзя же его заставить внимать только тебе, не дав ему выслушать и твоего противника. А большинство враждующих будет не согласно с тобой, и такой человек не заметит никакой разницы между тобой и твоими противниками". Это и есть их второй вопрос. На это я отвечаю так: "Этот довод, во-первых, оборачивается против тебя же. Ибо, если ты позовешь такого человека на свою сторону, он тебе скажет: "А чем ты оказался лучше своих противников? Ведь большинство ученых людей не согласно с тобой". Хотел бы я знать, как ты ему на это ответишь! Может, ты ему ответишь так: "Об Имаме моем есть указание в тексте". Кто поверит тебе относительно того, что утверждается в тексте, если он не слышал текста от Посланника Божьего? Ведь человек слышит только твои утверждения и одновременно видит, что вся ученая братия в один голос утверждает, что все это вымысел и ложь. Далее, предположим, что он согласится с тобой относительно текста. Но если у него нет ясного представления о подлинной природе пророчества, он возразит тебе так: "Допустим, что твой имам для доказательства своей

правоты прибегнет к чуду Иисуса и скажет: "Чтобы ты поверил мне, я воскрешу твоего отца". Допустим, что он действительно воскресил его после этого и сказал тебе, что он, мол, все-таки прав. Но и в этом случае - как я могу знать наверное, что он прав? Ведь не все же люди признали правоту Иисуса на основании этого чуда. Напротив, перед ним были выдвинуты такие сложные вопросы, на которые нельзя было ответить иначе, как посредством тщательного рассмотрения их разумом. Но ведь, по-твоему, рассмотрение разумом не заслуживает доверия, а признать чудо доказательством правоты невозможно - если неизвестно, что такое колдовство и чем оно отличается от чудотворства, и если неизвестно, что Аллах не вводит в заблуждение рабов Своих (а все знают, что такое вопрос о введении в заблуждение и насколько трудно составить на него ответ). Так почему же ты отвергаешь все это? Ведь оказалось, что следовать за твоим Имамом нет больших оснований, чем за кем-нибудь из его противников, и ему приходится прибегать к отвергаемой им же теоретической аргументации, в то время как противники его аргументируют подобными же и даже более ясными доводами. Вопрос этот обернулся против них настолько серьезно, что если бы для составления ответа на него собрались они все, от первого до последнего, даже тогда они не смогли бы этого сделать.

Источником этого порока явились некоторые глупцы, занимавшиеся на диспутах не рассмотрением самой сути вопроса, а составлением ответа на него. А это такое дело, где говорят много, объясняют долго и где противника невозможно заставить замолчать никакими доводами. А если кто-нибудь скажет: "Вот - суть вопроса. Есть на нее ответ?", я скажу: "Да, ответ на нее таков. Если бы растерявшийся человек сказал: "Я растерялся и не могу указать на тот вопрос, который привел меня в замешательство", ему бы сказали: "Ты - как больной, который говорит: "Я болен", и, не указывая точно на то, чем он болен, требует, чтобы его излечили. Ему бы сказали далее: "Нет излечения от болезни вообще, лечат конкретные болезни - головную боль, понос и тому подобное". Такому человеку также следует указать на то, что явилось причиной его замешательства. Если он укажет на этот вопрос, я познакомлю его с истиной относительно него, взвесив его на пяти весах, которые поймет лишь тот, кто признает, что весы правильные, дающие верное показание о том, что взвешивается с их помощью". Только такой человек поймет эти весы. Он поймет также правильность их, как обучающийся арифметике понимает дух арифметики и то, что обучающий его арифметике знает эту науку и дает о ней правильные сведения. Я уже разъяснил это в книге "Правильные весы" на двадцати листах. Пусть он просмотрит их. Здесь теперь не ставится целью доказать порочность их учения. Об этом уже говорилось, во-первых, в книге "Мустазхирийской", во-вторых, в книге "Доказательство истины" (представляющей собой ответ на те их мысли, которые были изложены передо мной в Багдаде), в-третьих, в книге "Судящий в споре", состоящей из двенадцати глав (это - ответ на мысли, изложенные передо мной в Хамадане), в-четвертых, в книге "Путь", написанной в аль-Джавадиде (это относительно таких жалких мыслей, которые были изложены передо мной в Тусе), и, в-пятых, в книге "Правильные весы" (сама по себе эта книга самостоятельна: она имеет целью дать разъяснение весам наук и показать, что признающие непогрешимого Имама могут обойтись и без него).

Нет, цель наша - рассказать вот о чем. У них нет никаких способов излечения, благодаря которым они смогли бы выбраться из мрака мнений. Но вопреки их неспособности к выдвиганию аргументов при определении Имама, мы все же давно согласились с ними и признали правоту их в вопросе о потребности в Учении и в непогрешимом Учителе и в том, что он является таким, как они его определили. Затем мы спросили их о знании, полученном ими от этого Непогрешимого, и изложили им затруднительные вопросы, а они не то чтобы разрешить - понять их не смогли. Не будучи в состоянии сделать это, они свалили все на скрытого Имама и сказали: "Необходимо обратиться к нему". Удивительное дело: они всю свою жизнь употребили на поиски учителя и на похвальбы по поводу того, что, мол, добились его, и в то же время ничему не научились у него. Они здесь уподобились забрызганному грязью человеку, настолько изнурившемуся в поисках воды, что, если бы нашел ее, не использовал бы ее и остался бы покрыт нечистотами. Некоторые из них притязают на то, что кое-что знают. Но то, о чем они говорят, в сущности представляет собой отрывки из жалкой философии одного из древнейших мыслителей - Пифагора. Его учение - это наиболее жалкое из учений философов, и Аристотель не только

опроверг его, но и показал всю ничтожность и порочность его рассуждений. Это именно о нем идет речь в книге "Братья чистоты", и именно он на поверку оказывается худшим из философов. Удивление вызывают люди, которые, посвятив свою жизнь поискам знания, доводят себя до изнурения, а затем довольствуются подобной жалкой, худосочной "наукой". И при этом они думают, что достигли высших пределов науки! Мы и с такими людьми имели опыт. Подвергнув проверке их высказывания и затаенные мысли, мы обнаружили, что сущность тех и других сводится к оболыщению простонародья и людей со слабыми рассудками заявлениями о потребности в Учителе и спором с теми, кто отрицает потребность в Учении, где доводы их настолько "сильны" и "убедительны", что когда кто-нибудь становится на их сторону в вопросе о потребности в Учителе и говорит: "Дай нам его знание и разъясни нам его учение", талимит останавливается и говорит: "Теперь, если ты согласился со мной в этом, ищи остальное сам - цель моя заключается только в этом". Ибо талимит знает - стоило бы ему сказать еще хоть одно лишнее слово, как он посрамил бы самого себя, поскольку ему не под силу не только разрешить даже самые пустячные вопросы, но и понять их, не говоря уже о том, что он не способен дать на них ответ.

Такова правда о положении дел у талимитов. Познаешь их и возненавидишь. Мы же, познав талимитов, махнули на них рукой.

[3] Ахмад бну Ханбал (780-855) - имам, основатель одного из четырех мазхабов

[4] Аль-Харис Аль-Мухасиби (781-857) - суфийский шейх

[5] Иджтихад - толкование вопросов, на которые нет однозначных указаний в вероучении

[6] Фетва - решение, вынесенное по тому или иному вопросу с помощью иджтихада.

Методы суфиев.

Далее, покончив с этими науками, я устремил свое внимание на путь (тарикат) суфиев. Я узнал, что их путь (т.е. тарикат) в совершенном своем виде включал и теорию и практику. Суть их практики заключалась в том, что они до сих пор занимались искоренением страстей души и освобождением себя от ее дурных наклонностей и порочных свойств, пока не добивались таким образом очищения ума от иных мыслей, кроме как о Всевышнем Аллахе, и украшения его богомыслием.

Теория суфиев оказалась для меня более легкой, чем их практика. Я начал с изучения этой теории по таким их книгам, как "Пища сердца" Абу-Талиба аль-Макки (да смилостивится над ним Аллах), книга аль-Хариса аль-Мухасиби, различные предания об аль-Джунайде, аш-Шибли и Абу-Язиде аль-Бустами (да освятит Аллах их души) и другие произведения их духовных вождей, пока не ознакомился с сущностью их научных устремлений и не освоил из метода их того, что можно было освоить путем обучения и бесед. И тогда мне стало ясно, что более специфические их особенности заключаются в том, что постижимо не путем обучения, но лишь благодаря испытанию, переживанию и изменению душевных качеств.

Какая большая разница - знать определение здоровья и определение сытости, их причин и условий, с одной стороны, и быть самому здоровым и сытым - с другой; знать определение опьянения, знать, что оно есть состояние, возникающее оттого, что пары, поднимаясь от желудка, завладевают источниками мыслей, с одной стороны, и быть самому пьяным - с другой. Ведь хмельной человек не знает определения опьянения и его теории, и все же он пьян, хотя он не имеет ни малейшего понятия о природе опьянения. Трезвый же знает определение опьянения и его причины, хотя сам он ничуть не пьян. Будучи больным, врач знает определение своей

болезни, ее причины и лекарства, которыми ему можно излечиться, и все же он не здоров. Такая же разница существует между тем, что мы знаем истинную природу аскетизма, его условия и предпосылки, с одной стороны, и тем, что ты сам переживаешь состояние аскетизма и духовного отвращения к подлунному, дольному миру - с другой.

Для меня стало совершенно достоверным то, что они - люди вкушения, а не поборники рассуждения, и что я усвоил все, что можно было усвоить путем теоретического познания. Оставалось лишь то, чего можно было достигнуть не с помощью бесед и обучения, но только благодаря испытанию и ведению определенного образа жизни.

Еще раньше, благодаря наукам, которыми я занимался, и тем путям, которыми я шел при исследовании двух видов наук - религиозно-юридических и рациональных, - я проникся глубокой верой во Всевышнего Аллаха, в пророчество и в Судный День. Эти три основы вероисповедания глубоко укоренились в душе моей не благодаря определенным, точным доказательствам, но вследствие таких причин, обстоятельств и опытов, подробности которых передать невозможно. Мне стало ясно, что надеяться на блаженство в потусторонней жизни может только тот, кто ведет благочестивый образ жизни и сторонится мирских соблазнов, что главное во всем этом - разорвать пути, связывающие душу с дольным миром, покинув обитель суеты, обратившись к обители бессмертия и устремив все свое внимание на Всевышнего Аллаха, и что осуществления этого может добиться лишь тот, кто отказывается от почестей и богатств, кто избегает мирских треволнений и связей.

Затем я обратил свой взор на собственное положение - и оказалось, что я весь утопаю в мирских связях, опутавших меня со всех сторон. Обратив же взор на деятельность свою, причем на самое лучшее, что в ней было, - на чтение лекций и преподавание, - я обнаружил, что науки занимают меня, не имеющие ни значения, ни пользы для того, кто готовит себя к путешествию в потусторонний мир. Поразмыслив далее о целях, которых я хотел достичь в своей преподавательской деятельности, я обнаружил, что помыслы мои были направлены в отношении этих целей не исключительно только на Всевышнего Аллаха, но что побудительным мотивом и двигателем для меня служили поиски почестей и широкой известности. Я убедился, что стою на краю пропасти и что, если не займусь исправлением своего положения, наверняка попаду в ад. В течение некоторого времени я, не переставая думать о своем положении, все еще не делал окончательного выбора: сегодня я принимал твердое решение уехать из Багдада и порвать с окружавшей меня обстановкой, а на завтра передумывал делать это. В своих тогдашних планах я одной ногой делал шаг вперед, а другой - назад: стоило мне утром проникнуться искренним желанием искать верных путей к потусторонней жизни, как вечером на желание это нападали, охлаждая его, полчища мирских страстей. Мирские страсти начинали притягивать меня своими цепями, удерживая меня на месте, в то время как голос религии зывал ко мне: "В дорогу! В дорогу! Жить осталось совсем мало, а перед тобой еще долгий путь. Наука и дела, в кои ты погружен, - лишь обман и иллюзия. Когда же ты будешь готовить себя к потусторонней жизни, если не сейчас? Когда ты будешь рвать свои мирские связи, если не сейчас?" И тогда во мне вновь возникало побуждение и крепла решимость к бегству. Но тут снова появлялся дьявол и говорил: "Это случайное состояние, и не вздумай поддаться ему. Оно быстро пройдет, и когда ты, поддавшись ему, расстанешься с оказываемыми тебе великими почестями, с упорядоченной жизнью своей, не знающей ни печали, ни горести, и с благополучием своим, которое не может быть отнято у тебя и врагами твоими, - возможно, душа твоя потянется к этой жизни снова, но вернуться к ней тебе уже не удастся".

Почти шесть месяцев я находился в состоянии беспрестанных колебаний между соблазнами мирских наслаждений и призывами потусторонней жизни. А началось это в месяц раджаб четырехста восемьдесят восьмого года (июль-август 1005 г.).

В тот месяц дело перешло границу свободного выбора и вступило в область необходимости. Аллах замкнул язык мой, и скованность его помешала мне даже вести занятия: в один прекрасный день, когда я старался сделать свой урок возможно более приятным для сердец тех, кто посещал мои лекции, язык мой не произнес ни единого слова, и я так и не смог выдать его из себя. В результате скованность эта в языке возбудила в душе моей скорбь. Одновременно у меня исчезла пищеварительная способность - еда и напитки не возбуждали во мне аппетита, хлеб не шел в

горло, не переваривался ни единый кусочек пищи. И у меня наступил такой упадок сил, что лекари пресекли надежду на мое выздоровление. Они говорили: "Это вещь, поразившая сердце, а затем распространившаяся от него по всему организму. Излечить его можно только в том случае, если будет раскрыта тайна одолевшей его заботы".

Почувствовав в себе слабость и окончательно лишившись свободы выбора, я обратился ко Всевышнему Аллаху, как это делают люди, оказавшиеся во власти необходимости и не способные предпринять чего-либо по собственному усмотрению. И Тот, кто отвечает оказавшемуся во власти необходимости, когда он взывает к Нему, ответил мне. Сердцу моему уже ничего не стоило отказаться и от почестей, и от богатства, и от детей, и от друзей.

И вот я объявил о своем решении отправиться в Мекку, хотя в душе своей замышлял поездку в Сирию. Поступил же я так из опасения, что о намерении моем остаться в Сирии станет известно халифу и всем моим друзьям. Я прибег к этой хитрости, дабы скрыть свое решение покинуть Багдад с тем, чтобы уже никогда туда не возвращаться. И я подвергся упрекам всех духовных предводителей иракского населения, ибо никто из них не допускал мысли, что для отказа моего от всего, что окружало меня, имелись религиозные мотивы, ибо они полагали, что все это - высший предел, которого может достичь религиозный деятель. Большого они не знали.

После этого люди стали теряться во всевозможных догадках: те, кто находился далеко от Ирака, думали, что я уезжаю в предчувствии чего-то недоброго от властей, а те, кто был близок к власти, кто видел их крепкую привязанность ко мне и приверженность, кто видел, что я бросаю их, не обращая внимания на их уговоры, - эти люди говорили: "Это - рука судьбы; не иначе, как мусульманская община и ученая братия поражены дурным глазом".

И я покинул Багдад, раздав людям все свое достояние. Накоплено же было у меня лишь столько, сколько было необходимо для того, чтобы пропитаться самому и накормить детей. А позволил я себе это потому, что деньги Ирака, будучи предназначены для мусульман, идут на общее благо, и я не видел на свете лучшего применения деньгам, чем накопление их ученым ради своих детей. Затем я приехал в Сирию и прожил там около двух лет, в течение которых у меня не было иных занятий, кроме отшельнической, одинокой жизни, упражнений и подвижничества, сопровождаемого очищением души, совершенствованием моральных качеств и подготовкой ума к богомыслию соответственно тому, что я перенял из учения суфиев. Некоторое время я безвыходно провел в Дамасской мечети, на минарет которой забирался на целый день, запирая за собой дверь. Оттуда я затем перебрался в Иерусалим, где каждый день просиживал взаперти в часовне ас-Сахра. После того, как я навестил Друга Божьего [7](да благословит его Аллах), во мне возникло влечение к совершению обряда паломничества и к подкреплению души своей посещением благостных мест Мекки и Медины и гробницы Посланника Божьего (мир ему). И я отправился в Хиджаз.

Затем заботы и зов детей моих потянули меня на родину, и я вернулся туда, хотя до этого я более чем кто-либо другой был далек от мысли о возвращении. Но и вернувшись на родину, я предпочитал держаться в стороне от людей, сохраняя одиночество и очищая сердце свое для богомыслия. Превратности судьбы, семейные заботы и житейские нужды препятствовали осуществлению моей цели и омрачали своей сумятицей безмятежность отшельнической жизни. Необходимая для меня обстановка наступала лишь от времени до времени, но несмотря на это я не терял надежды на то, что когда-нибудь достигну своего, и всякий раз, когда на пути моем вставали препятствия, я преодолевал их и продолжал шествовать к намеченной цели.

И так продолжалось у меня десять лет. В течение этих лет уединения передо мной раскрылись вещи, которые невозможно ни перечислить, ни разобрать. Для пользы дела я упомяну лишь вот о чем. Для меня стало совершенно достоверным, что теми, кто идет по пути Всевышнего Аллах, являются именно суфии, что их образ жизни - наилучший образ жизни, что их путь - наилучший путь и что их нравы - наичистейшие нравы. Я могу сказать больше. Если бы собрать воедино разум разумных людей, мудрость мудрецов и знание знатоков божественного закона с тем, чтобы они хоть что-нибудь изменили в образе жизни и нравах суфиев с целью внести в них хоть какое-нибудь улучшение, они не знали бы, как это сделать. Ибо все дела и поступки суфиев, все их тайные и высказанные помыслы имеют своим источником свет, исходящий из Ниши Пророчества

[8], а на земле нет иного света, которым могли бы руководствоваться люди, кроме света пророчества.

Короче говоря, что же рассказывают люди о том пути (тарикате), чистота которого - а это первое его условие - заключается в полном очищении сердца от всего, что чуждо Всевышнему Аллаху, начало которого - а избегающий этого лишается благословения Божьего - заключается в полном погружении сердца в богомыслие и которого конец - полное исчезновение в Аллахе? Но это конец его лишь в отношении того, что почти находится в сфере свободного выбора и приобретения от его начала. При ближайшем же рассмотрении оказывается, что это - лишь начало их пути, а то, что было раньше, образует своего рода преддверие для тех, кто вступает на него.

Обнаружение и созерцание скрытого появляется уже в самом начале пути, так что суфии даже в бодрствующем состоянии созерцают ангелов и души пророков, слушают их голоса и получают от этого пользу. За созерцанием видений и образов следуют новые, высшие ступени откровения, выходящие за пределы изречимого, так что, если кто-нибудь попытается выразить это, слова его обязательно будут содержать в себе погрешность, уберечься от которой невозможно.

Короче говоря, дело доходит до близости, когда одним почти кажется, что они растворяются, другим - что они соединяются, третьим - что они достигают. Но все это ошибка. Мы уже объяснили суть допускаемой в подобных случаях ошибки в книге "Высокая цель". А человеку, испытывающему такое состояние, можно сказать не более, как: "Было, что было, а что было, не помню. Думай хорошо и не проси, чтобы тебе что-нибудь сообщили".

Короче говоря, кому из всего этого не пришлось пережить самому ничего, тот из истинной природы пророчества поймет одно лишь название. Чудеса святых при ближайшем рассмотрении оказываются первыми проявлениями пророчества [9]. И именно таким было состояние Посланника Божьего (мир ему), когда он отрешился от мира сего, придя к горе Хира и уединившись там с Господом своим, и когда он проявил там перед ним такую набожность, что арабы сказали: "Воистину, Мухаммед воспылал страстью к Господу своему".

Изучить это состояние путем непосредственного переживания может лишь тот, кто следует по пути суфиев. А кому не пришлось пережить этого самому, тот может получить об этом достоверное знание из опыта других и из бесед, если такой человек будет часто общаться с суфиями. Вот тогда-то он, ознакомившись подробнее с их состоянием, получит об этом достоверное знание. Стоит человеку посидеть с ними - и он получит от них эту веру. А суфии - такие люди, собеседники которых не знают зла. А если кому не довелось общаться с ними, тот пусть удостоверится в возможности этого, опираясь на показания логических аргументов - так, как мы об этом рассказали в одной из книг "Оживление религиозные наук", а именно - в книге "Чудеса сердца".

Установление истины путем логического доказательства есть познание. Приведение себя в данное состояние есть непосредственное переживание. Приятие с благими мыслями того, что может быть почерпнуто из бесед и опыта других, есть вера.

Таковы три ступени, о которых говорится: "Тех из вас, кто уверовал, и тех, кто в состоянии познать, Аллах возводит по ступеням".

За этими людьми следуют невежды. Последние отрицают все это в корне, а подобные речи производят на них впечатление чего-то странного, и они, выслушивая их, говорят с издевкой: "Удивительно! Как они могут рассказывать такую чушь!" Это о них сказал Всевышний Аллах: "Среди них есть такие, которые внимают тебе до тех пор, пока не уйдут от тебя, а уйдя спрашивают у тех, кто был способен познать: "О чем он только что говорил?" Это те, которым Аллах запечатал сердца, которые следовали своим прихотям и которых Он сделал глухими и слепыми".

К вещам, ставшим ясными для меня, когда я практиковал их метод, относятся истинная природа пророчества и его специфическая особенность. Здесь обязательно нужно остановиться на принципе пророчества, ибо в этом ощущается острая потребность.

[7] т.е. гробницу пророка Ибрахима (мир ему) в Хевроне

[8] термин из Корана

[9] здесь и далее слово "пророчество" употреблено в смысле дара Всевышнего Аллаха, благодаря которому человек узревает невидимое обычными людьми, познает скрытое от них.

Истинная природа пророчества и его необходимость для всех людей

Знай: сущность человеческая в первородном своем виде сотворена чистой, безопытной, лишенной какого-либо знания о мирах Всевышнего Аллаха. А миров этих так много, что перечислить их может один лишь Всевышний Аллах, - как сказал Он: "И о воинстве Господа твоего кроме Него самого никто не знает". С миром же человек знакомится путем постижения его, и каждая из постигающих способностей создана для того, чтобы человек с ее помощью постигал мир реальностей. А под миром мы понимаем род реальностей.

Первое, что сотворяется в человеке, это чувство осязания, и с его помощью он постигает такие роды реальностей, как тепло и холод, влажность и сухость, мягкость и жесткость и тому подобное.

Осязанию совершенно недоступны цвета и звуки - они как бы не существуют для осязания.

Затем в человеке сотворяется чувство зрения, и с его помощью он постигает цвета и фигуры, составляющие самый широкий мир чувственных предметов.

Далее он наделяется слухом, и он начинает слышать звуки и тона.

Потом для него сотворяется чувство вкуса.

И так до тех пор, пока человек не переступает границу мира чувственных предметов. И тогда, примерно к семилетнему возрасту, в нем создается различающая способность. Это уже другая ступень его существования. На этой ступени он постигает вещи, расположенные за пределами мира чувственных вещей, совершенно отсутствующие в мире чувств.

Затем он поднимается на новую ступень, и для него сотворяется разум. И тогда он постигает то, что должно, то, что можно, то, что невозможно, и вещи, которые не встречались ему на предыдущих ступенях.

За разумом следует другая ступень, когда у человека открывается новое око, коим он созерцает скрытое, узревает то, что произойдет в будущем, и другие вещи, не доступные для разума так же, как умопостигаемые вещи не доступны для различающей способности, и как вещи, постигаемые различающей способностью, не доступны для способности чувствующей.

Если бы человеку, одаренному лишь различающей способностью, представили умопостигаемые вещи, он отверг бы эти вещи и счел бы их невероятными. Точно так же некоторые разумные люди отвергали и считали невероятными вещи, постигаемые благодаря пророческому дару. Это есть чистейшее невежество, ибо в доказательство они могли бы привести лишь такое рассуждение: ступени пророчества они не достигли; ступень эта для них не существует; следовательно, по их мнению, она не существует и сама по себе. Если слепому, не знавшему о цветах и фигурах, впервые рассказали бы о них, он ничего бы не понял и не допустил бы возможности их существования.

Всевышний Аллах сделал пророчество для созданий Своих делом вполне допустимым, снабдив их образцом специфической особенности пророчества - сном. Ибо спящий постигает скрытое, то, что должно иметь место в будущем, либо явно, либо в какой-либо образной форме, значение которой раскрывается с помощью снотолкования. Если человеку, на себе не испытавшему это, сказали бы: "Среди людей имеются такие, что, впадая в полумертвое, обморочное состояние и лишаясь чувства, способности слышать и видеть, постигают скрытое", он отверг бы подобное утверждение и в доказательство его абсурдности сказал бы: "Чувствующие способности - причины постижения вещей, и тому, кто не постигает их несмотря на существование и наличие этих способностей, тем более не постигнуть их, когда эти способности ослабли". Но это относится к такому виду умозаключений, которые опровергаются действительностью и очевидностью. Как

разум представляет собой одну из ступеней в человеческой сущности, когда человек обретает некое око, коим он созерцает различные виды умопостигаемых вещей, недоступных чувствам, так и пророчество являет собой определенную ступень, при достижении которой человек обретает некое око, обладающее светом, в котором скрытые и непостижимые для разума вещи становятся явными.

Сомнение же в пророчестве может иметь место либо относительно его возможности, либо относительно его существования и реальности, либо относительно его осуществления в каком-либо определенном индивиде.

Доказательство возможности профетизма заключается в его существовании. Существование же его доказывается тем, что на свете существуют такие знания, приобретения которых с помощью разума нельзя даже представить себе. Так, к ним относятся знания, коих достигнуть можно только благодаря божественному внушению и содействию со стороны Всевышнего Аллаха. Опытным же путем получить их невозможно...

Из изложенного доказательства явствует возможность существования определенного способа постижения этих вещей, непостижимых для разума.

Под профетизмом как раз и подразумевается этот способ - не потому, что только в нем выражается профетизм, но потому, что постижение данного рода вещей, выходящих за пределы умопостижимого, является одной из особенностей профетизма, имеющего кроме нее множество других особенностей, а упомянутые нами особенности - лишь капли в море. Говорили же мы о них потому, что ты обладаешь их образцом - способностью постигать скрытое во сне. У тебя есть также знания, относящиеся к такому роду в медицине и астрономии. А для людей, обладающих только тем, чем располагает их разум, эти знания совершенно недоступны.

Что касается прочих особенностей пророчества, то постигнуть их можно лишь основываясь на непосредственном переживании, следуя по пути суфиев, поскольку упомянутую особенность ты понял только благодаря сну - дарованному тебе образцу пророческой особенности, и если бы у тебя не было такого образца, ты бы не поверил в эту особенность. Ведь если у пророка имеется некая особенность, образцом которой ты не обладаешь, то как ты можешь поверить в ее существование? Ибо поверить можно лишь после того, как поймешь. А этот образец приобретается на первых порах после того, как вступают на путь суфиев, и благодаря этому образцу в человеке имеют место определенного вида переживание, соответствующее данному этапу его подвижничества, и определенного вида вера в то, что не может быть подтверждено путем логического доказывания. Но тебе достаточно одной этой особенности, чтобы ты уверовал в принцип пророчества.

Если же в тебе возникает сомнение относительно определенного лица - пророк он или нет, - то достоверно об этом ты можешь узнать лишь ознакомившись с его делами - либо путем непосредственного наблюдения, либо по рассказам других лиц. Ведь если ты знаешь медицину и мусульманское право, ты можешь ознакомиться и с самими законооведами и врачами или путем непосредственного наблюдения их дел, или - в ином случае - на основании их высказываний. Для нас не представляется также невозможным достижение истинного знания о том, что аш-Шафии (да смилостивится над ним Аллах) был законоводителем, а Гален - врачом, не путем повторения этого за другими, но благодаря тому, что ты приобретаешь кое-какие познания в медицине и в мусульманском праве, читаешь их книги и сочинения, в результате чего получаешь необходимые сведения об их делах. Подобным же образом, если ты усвоишь смысл пророчества и будешь усердно изучать Коран и хадисы, то получишь необходимые сведения о том, что Посланник Божий (мир ему) стоял на высшей ступени пророчества. Ты можешь помочь себе в этом, если испробуешь то, что сказано им о поклонениях и об их влиянии на очищение сердец, и если испытаешь, как он был прав в своем изречении: "Те, кто поступает согласно знаниям своим, - наследники Божьи, познающие то, чего они не знали", как он был прав в своем изречении: "Над пособником деспота Аллах дает деспоту власть", и как он был прав в своем изречении: "Кто просыпается по утрам с одной единственной заботой, того Всевышний Аллах избавит от всех забот на этом и на том свете". Если ты испробуешь это тысячу, две тысячи, много тысяч раз, к тебе придет необходимое и бесспорное знание. От этого-то способа и требуй достоверно-го знания о пророчестве, а не от превращения жезла в змею и раскалывания луны (одно из чудес

Пророка, мир ему). Если ты будешь рассматривать только это (т.е. карамат-чудо), не обращая внимания на множество посторонних обстоятельств, быть может, тебе покажется все это чародейством и обманом, заблуждением от Аллаха - ведь Он "кого хочет - введет в заблуждение, кого хочет - поведет по правильному пути".

И здесь ты снова сталкиваешься с вопросом о чудесах. Если вера твоя зиждется на систематическом рассуждении, имеющем целью доказательство истинности чуда, то упорядоченное рассуждение относительно возникающих отсюда трудностей и сомнений приведет к укреплению твоей веры. Пусть же подобные необычные вещи станут одними из доводов и моментов в совокупности твоего рассмотрения, дабы появилось у тебя такое необходимое знание, когда ты не мог бы с определенностью указать на его источник, подобно тому, как толпа, распространяющая какой-либо слух, не может указать на определенное лицо, высказывание которого послужило основой ее убеждения в достоверности распространяемого слуха, когда она не знает, откуда взялся этот слух, когда источник этого слуха находится вне данного круга лиц и когда нет ссылок на высказывания определенных личностей. Именно это и значит верить во что-либо твердо и сознательно.

Что касается непосредственного переживания, то оно подобно прямому наблюдению и такому познанию, когда познаваемую вещь берут в руки. Этот способ познания присущ лишь суфиям. Изложенного рассмотрения истинной природы пророчества достаточно для целей, преследуемых нами в настоящий момент, а когда нужно будет, я еще раз коснусь этой темы.

Причина распространения мною науки после того, как я отказался от этого занятия.

Далее, приблизительно за десятилетний срок, в течение которого я упорно придерживался отшельнической уединенной жизни, благодаря неисчислимым способам - то в результате непосредственного переживания, то в результате логического познания, то в результате принятия на веру - передо мной с необходимостью раскрылась та истина, что человек сотворен из тела и сердца. При этом под сердцем я подразумеваю истинную природу его духа, который и является вмещителем знания об Аллахе, т. е. исключая плоть и кровь, кои общи также и мертвецу, и скотине.

Передо мной раскрылась и та истина, что подобно тому, как тело имеет здоровье, благодаря которому оно находится в благополучном состоянии, и болезнь, содержащую в себе причину его гибели, сердце также может быть беспорочным и здоровым (а спасение получит "лишь тот, кто пришел к Аллаху со здоровым сердцем") и иметь болезнь, из-за которой оно может погибнуть на веки вечные, включая и потустороннюю жизнь, - как сказал Всевышний: "В их сердцах - болезнь". Далее, передо мной раскрылась та истина, что незнание Аллаха - губительный яд, что в непослушании Ему при следовании страстям заключается пагубная для сердца болезнь, и что знание Всевышнего Аллаха - живительное противоядие, что в послушании Ему при противоборствовании страстям заключается целебное для сердца лекарство.

Мне стало ясно, что единственным средством исцеления сердца, устранения его болезни и приобретения здоровья являются лекарства - так же, как без лекарств нельзя обойтись при лечении тела.

Я выяснил также с необходимостью, что подобно тому, как лекарства, предназначенные для лечения тела, влияют на приобретение здоровья благодаря содержащимся в них свойствам, кои не могут быть постигнуты разумными людьми с помощью одного только разума, но при употреблении которых нужно следовать наставлениям врачей, получивших свои знания от пророков и познавших специфическую особенность пророчества, опираясь на знание свойств вещей, - точно так же целебное действие поклонений зависит от их пределов, а величины их определены и измерены пророками, и то, как это целебное средство будет действовать,

непостижимо для разума разумных людей. Поэтому, прибегая к этому средству, человек должен следовать наставлениям пророков, кои постигли свойства его благодаря пророческому свету, а не с помощью разума.

Далее мне стало ясно, что подобно тому, как лекарства состоят из смеси веществ различного вида и различного количества, так что одно из них, например, будет иметь в два раза больший вес и объем, чем другое (при этом различия в количествах, будучи своего рода особенностями лекарств, не лишены таинственности), подобно этому поклонения, будучи как раз тем средством, с помощью которого исцеляют болезни сердца, состоят из действий различного вида и различного количества, так что земной поклон, например, равен двум коленопреклонениям, а утренняя молитва по объему своему эквивалентна половине предзакатной молитвы. Это также не лишено таинственности, будучи своего рода особенностью поклонений, постижимой лишь благодаря пророческому свету. И величайшую глупость и невежество проявляли те, кто хотел рациональным путем извлечь из поклонений какую-то философскую мудрость или полагал, будто о них говорится как об основанных на соглашении, а не как о содержащих в себе божественную тайну.

Так же, как в лекарствах имеются главные составные части, являющиеся их основами, и дополнительные части, являющиеся их завершением (причем каждая из них оказывает свое особое влияние на действие главных составных частей лекарства) - точно так же сверхобязательные действия и обычаи представляют собой некое дополнение к основным требованиям поклонений, придающее их действию совершенную форму.

Короче говоря, пророки - это те, кто лечит заболевания сердца. Польза, которую приносит разум, и сфера его действия ограничиваются тем, что он указал нам на это. Разум дает показание о своей вере в пророчество и о бессилии своем постигнуть то, что постигается лишь пророческим оком, - о бессилии постигать так, как мы постигаем вещи, беря их в свои руки. Мы полагаемся на пророчество подобно тому, как слепые полагаются на своих поводырей, как озадаченные больные отдают себя в руки сострадательных врачей. Вот досюда и простирается сфера деятельности разума, коему недоступно то, что лежит за этими пределами, но доступно лишь понимание того, что предписывается ему Врачом.

Все это - вещи, которые мы поняли с необходимостью, проистекавшей из непосредственного наблюдения в годы уединения и отшельничества.

Далее, мы заметили охлаждение веры в принцип пророчества, затем в истинность пророчества и затем - в деятельность, которой я объяснил пророчество. Мы удостоверились в том, что охлаждение это среди людей приняло распространенный характер. Поэтому я начал доискиваться причин охлаждения людей и ослабления их веры и обнаружил, что таковых четыре:

причина, исходящая от тех, кто погрузился в философскую науку;

причина, исходящая от тех, кто погрузился в суфийскую жизнь;

причина, исходящая от тех, кто связал себя с учением талимитов;

причина, исходящая от того, что люди имеют дело с теми, кто отмечен печатью учености.

В течение некоторого времени я изучал отдельных лиц, задавая вопросы тем, кто небрежно выполнял требования шариата, выпрашивая об одолевавших их сомнениях, осведомляясь об их убеждениях и тайнах. Я говорил кому-нибудь из них: "Что с тобой? Почему ты так небрежно выполняешь предписания шариата? Ведь это глупо, если ты веришь в потустороннюю жизнь и вместе с тем не готовишься к ней, разменивая ее на дольную жизнь! Ведь ты не обмениваешь две вещи на одну - так почему же ты размениваешь бесконечную жизнь на считанные дни посюсторонней жизни? А если ты неверующий, значит, ты нечестивец. И тогда собирайся на поиски веры. Посмотри, в чем лежит причина твоего тайного неверия, которое как раз и составляет твое внутреннее убеждение и является причиной твоей открытой дерзости, хотя ты и не разглашаешь этого, с показной вежливостью относясь к вере и с почтением говоря о шариате!"

Некоторые мне отвечали так: "Это такое дело, что, если бы было обязательным заботиться о нем, самыми достойными в данном случае людьми оказались бы ученые. Однако среди достопочтенных ученых такая-то знаменитость не молится, такой-то пьет вино, такой-то проедает вакуфное имущество (имущество, завещанное для благотворительных целей) и имущество сирот, такой-то проедает государственные налоги, такой-то берет взятки за судопроизводство и свидетельские показания", - и так далее, и тому подобное.

Другие, претендуя на знание суфизма, заявляют, что они уже достигли такой степени набожности, которая якобы стоит выше всякой необходимости совершать поклонения Аллаху.

Третьи в качестве доказательства используют иные сомнительные рассуждения, взятые ими у ибахитов (ибахиты - члены секты нигилистов, не признающих установлений шариата). Все это люди, отбившиеся от суфизма.

Четвертые, встречавшиеся с талимитами, говорят: "Истина труднодостижима: дорога к ней полна препятствий, мнения по поводу нее многообразны, и ни одному из учений нельзя отдать предпочтения перед другими; доводы умов взаимопротивоположны, и нельзя довериться ни одному авторитетному мнению авторитетных людей, а рассуждения тех, кто проповедует учение талимитов, носят безапелляционный, безосновательный характер. Так как же я могу принять как достоверное то, в чем люди сомневаются?"

Пятые говорят: "Я делаю это не из уважения перед авторитетом - я прочел книги по философской науке и постиг истинную природу пророчества. Я понял, что сущность его сводится к мудрости и к заботе о благе людей, что заповеди его направлены на то, чтобы удержать простых людей и оградить их от взаимоизбиения и ссор, не дать им погрязнуть в низменных страстях. Но ведь я не принадлежу к невежественной черни, чтобы входить в лоно предписаний религии! Нет, я принадлежу к разряду мудрецов, следую мудрости, в коей я сведущ и в коей мне нет нужды следовать за каким-либо авторитетом!" Таков высший предел веры у тех, кто начитался книг по философскому учению метафизиков, и научившихся тому из книг Ибн-Сины и Абу-Насра аль-Фараби!

Возможно, что ты увидишь кого-либо из них читающим Коран, присутствующим на религиозных собраниях и молебнах и восхваляющим на словах шариат. Но вместе с тем он не бросает пить вино и не перестает совершать развратные и порочные поступки того или иного вида. И если его спросят: "Раз пророчество неверно, почему же ты молишься?", он, возможно, ответит так: "Для упражнения тела, ради соблюдения обычаев страны и сохранения имущества и чада". Ответить может он и так: "Шариат верен, пророчество истинно". В таком случае ему возразят: "Раз так, почему же ты пьешь вино?", - на что он ответит: "Вино запрещено потому, что оно вызывает озлобление и гнев, а я благодаря своей мудрости избегаю этого. К вину же я прибегаю для того, чтобы обострить рассудок". Ибн-Сина в своем завещании написал даже, что он давал обет перед Всевышним Аллахом делать то-то и то-то, почитать предписания шариата, с прилежанием относиться к религиозным обрядам и пить вино не ради удовольствия, а для исцеления и излечения. И предел положения его был в чистоте веры и в строгом соблюдении обрядов, если не считать того, что он в целях излечения пил вино.

Вот она - вера тех из них, кто претендует на нее. Из-за этих людей некоторые стали жертвами самообмана, а самообман их усугубился слабостью возражений тех, кто возражал этим людям, ибо возражения их сопровождалось отрицанием и математики, и логики, и других необходимых им наук, хотя таковые, как мы уже разъяснили, имеют под собой основание.

Рассмотрев различные категории людей, чья вера пошатнулась до такой степени по упомянутым причинам, я счел своим долгом раскрыть это заблуждение, тем более, что посрамить этих людей для меня было проще, чем сделать глоток воды, в силу того, что я уже порядком изучил науки их и их методы, т. е. методы суфиев, философов, талимитов и видных ученых. И душу мою как искра пронзила мысль: дело это безотлагательно и обязательно; какой тебе прок от уединения и отшельничества, когда болезнь уже стала всеобщей, врачи заболели и люди - накануне гибели! Но затем я подумал про себя: "Когда же ты собираешься рассеивать эту тьму и сталкиваться с этим мраком? Ведь теперешнее время - время упадка веры среди людей, и нынешний период - период лжи. Займись уговорами людей, чтобы они оставили пути, по которым они следуют, и примкнули к истине - все современники твои начнут питать к тебе злобу. Куда уж тебе противиться им! Как ты

будешь жить с ними бок о бок, если все это может быть совершено лишь при набожном и непоколебимом правителе?"

И я стал молить Всевышнего Аллаха, чтобы Он разрешил мне продолжать мою отшельническую жизнь, ссылаясь на то, что мне не под силу раскрыть истину с помощью доводов. И Аллахом было предопределено, чтобы тогдашний правитель по внутреннему побуждению своему, а не под влиянием каких-либо внешних мотивов, повелел мне непременно выехать в Нишапур для принятия мер против падения веры. Сделать это я должен был обязательно - если бы я настоял на обратном, одиночество мое стало бы мне в тягость. Мне пришло на ум, что причина, по которой я испрашивал позволения Аллаха, уже ослабла, а чтобы одиночество свое ты сохранял из-за лени, ради отдыха, из себялюбия и из стремления уберечься от тех неприятностей, которые могут причинить тебе люди, - это недопустимая вещь. И разве можно позволить себе что-нибудь подобное, оправдываясь тем, что избавлять людей от заблуждения очень трудно, когда Всевышний Аллах говорит: "Во имя Аллаха, Милостивого и Милосердного. Алиф-лям-мим (этими буквами начинаются многие главы Корана). Думали ли люди, что им позволят говорить "мы уверовали" без того, чтобы их испытали? И Мы уже испытали тех, кто был до них". Аллах, всемогущий и великий, говорит Посланнику, самому дорогому созданию Своему: "Лжецами считались посланники, что были до тебя, и они терпели, когда их обвиняли во лжи и причиняли неприятности, пока не пришла к ним Наша помощь. А слова Аллаха незаменимы. И дошло до тебя известие от пророков". И говорит Он, всемогущий и великий: "Во имя Аллаха, милостивого и милосердного. Я-син. Клянусь мудрым Кораном..." и до слов "Увещай тех, кто поминает Аллаха". И я обратился за указаниями по этому поводу к людям сердца и созерцания, и они в один голос посоветовали мне оставить отшельническую жизнь и выйти из своего уединенного уголка. К этому прибавились многократно, один за другим виденные праведниками сны, которые свидетельствовали о том, что этот мой шаг, приуроченный всеславным Аллахом к началу столетия, - благой и правильный почин. Ведь всеславный Аллах обещал оживлять свою религию в начале каждого столетия.

Итак, надежда моя окрепла, благое намерение мое, подкрепленное этими знаменами, победило, Всевышний Аллах облегчил мне мое движение в Нишапур для осуществления этой задачи в месяц зу-ль-када четыреста девяносто девятого года (т.е. в июле - августе 1106 года).

Из Багдада я выехал в месяц зу-ль-када четыреста восемьдесят восьмого года - значит, отшельническая жизнь моя длилась одиннадцать лет. То был шаг, предопределенный Всевышним Аллахом, одним из чудесных предопределений Его, которого сердце мое не чувствовало в течение этой отшельнической жизни так же, как мне в голову никогда не могла прийти мысль о возможности того, что я когда-нибудь уеду из Багдада и расстанусь с тогдашним моим положением. Всевышний Аллах - тот, кто изменяет сердца и положения, и "сердце верующего - между двумя перстами Милосердного".

Я прекрасно знал, что если бы я возвратился, я бы не возвратился. Ибо возвратиться - значит вернуться к былому. Но в те былые времена я распространял науку, через которую приобретают видное положение, и звал к ней людей словом своим и делом - к этому сводились тогда моя цель и мои помыслы. Ныне же я зову людей к науке, через которую лишаются положения - в смысле снижения его уровня. Вот в чем заключаются теперь помыслы, цель и чаянья мои, и об этих моих помыслах ведомо Аллаху.

Я хочу исправить себя и других. Мне неизвестно, добьюсь ли я желаемого или умру, не достигнув своей цели. Но я твердо и убежденно верю в то, что на все воля Аллаха, высокого и великого, верю, что не я совершал поступки свои, а Он двигал моими поступками, что не я вершил делами своими, а Он вершил ими, пользуясь мной как Своим послушным орудием. И я молю Его, чтобы Он сначала исправил меня, а потом через меня исправил других, чтобы Он направил меня по пути истинному, а потом через меня направил по нему других. Я молю Его, чтобы Он показал мне истину истиной и помог мне следовать ей, и чтобы показал мне ложь ложью и помог мне сторониться ее.

Вернемся же теперь к упомянутым нами причинам ослабления веры у перечисленных выше людей и коснемся способов направления их по праведному пути...

Что касается людей, которые говорят о той неразберихе, с которой они столкнулись, слушая рассуждения талимитов, то исцелением для них служит то, о чем говорилось нами в книге "Правильные весы", и мы не будем об этом распространяться в настоящем трактате.

Что касается того, что вообразилось ибахитам, то мы, разделив их путанные рассуждения на семь видов, разобрали их в книге "Алхимия счастья".

Что касается тех, чья вера оказалась под разлагающим влиянием философии настолько, что они начали отвергать принцип пророчества, то ведь мы уже говорили и об истинной природе пророчества, и о необходимом существовании его, ссылаясь при этом как на доказательство на наличие таких наук, как фармакология, астрономия и другие. Ради этого мы и предпослали настоящему разделу специальный раздел об истинной природе пророчества. Мы вывели доказательство из специфических особенностей медицины и астрономии потому, что оно исходит из их же собственных наук. Любому ученому, представляющему такие искусства, как, например, астрономия, медицина, магия и искусство заклинания, мы укажем на то, что его же наука заключает в себе доказательство необходимости пророчества.

Что касается такого человека, который на словах утверждает необходимость пророчества, а на деле приравнивает предписания шариата философской мудрости, то при ближайшем рассмотрении оказывается, что он не верует в пророчество. Такой человек верит лишь какому-нибудь мудрецу, имеющему определенного читателя и требующему от него, чтобы тот стал его последователем. А это не имеет ничего общего с пророчеством, ибо уверовать в пророчество - значит признать утверждение о том, что за рациональным познанием имеется такая ступень познания, на которой раскрывается око, дающее возможность постигнуть особые объекты, не доступные для разума так же, как постижение цветов не доступно для слуха, постижение звуков - для зрения, постижение умопостигаемых вещей - для всех чувств. Если это недопустимо, то это значит, что мы уже доказали не только возможность существования пророчества, но и само его существование. Если же это допустимо, то это значит, что мы уже доказали наличие в нашем подлунном мире вещей, называемых специфическими свойствами, которые совершенно не могут быть охвачены разумом и которые разум, больше того, объявляет ложными и невероятными.

...Большинство доказательств, которые строятся философами в физике и метафизике, принадлежат именно к подобному роду. Они представляют себе вещи такими, какими их находят и какими понимают, а все непривычное для себя они считают абсурдом. Если бы правдивые сновидения не были привычными вещами и если бы люди не утверждали, что при расслаблении чувств они познают сокровенное, то люди, характеризующиеся подобными умами, обязательно отвергли бы все это. И если бы спросили кого-нибудь: "Может ли на свете существовать нечто размером в зернышко, которое, будучи занесенным в какой-либо город, пожрало бы сначала весь город, а потом само себя, в результате чего не осталось бы ни города со всем его содержимым, ни самого этого нечто?", то он бы ответил: "Этого не может быть, подобное бывает только в сказках". В действительности же именно такое случается с огнем. А услышь об этом кто-нибудь, ни разу не видевший огня, так он будет отрицать это. А как раз с такой точки зрения и делается большинство отрицательных суждений относительно чудес потусторонней жизни...

Так почему же предписания шариата не могут обладать такими свойствами, касающимися исцеления сердец и их очищения, которые не могут быть постигнуты путем рационального рассуждения, но которые могут быть усмотрены лишь оком пророчества? А ведь некоторые признали свойства еще более удивительные, чем это, приведя их в своих книгах. Одно из таких чудесных свойств, например, испытывается при уходе за роженицей, переживающей трудные роды, когда определенный рисунок наносится на два куска материи, никогда не смачивавшиеся водой. Роженица смотрит на них своими глазами, кладет их себе под ступни, и ребенок тут же спешит появиться на свет. Это было признано возможным и приведено в книге "Чудесные свойства". В рисунке этом имеется девять гнезд, в которых помещены особые цифры так, что сумма их в каждом столбце равна пятнадцати, будешь ли ты их читать вдоль, поперек или по диагонали.

Хотел бы я знать, найдется ли такой человек, который бы поверил этому и у которого затем не хватило бы ума поверить тому, что путем умственного рассмотрения нельзя узнать, почему утренняя молитва предопределена быть в два ракаата (ракаат - повторяющаяся часть намаза),

полуденная - в четыре, а вечерняя - в три. Причиной же тому является различие во временах дня, а особенности эти можно постигнуть лишь благодаря свету пророчества.

Удивительная вещь: если бы мы изменили формулировку и выразились словами астрологов, они бы уразумели различие в этих временах. И вот мы говорим: "Разве при составлении гороскопа суждения не бывают разными в зависимости от того, что солнце будет в середине неба, на востоке или на западе? Ведь в предсказаниях астрологов именно на этом основывается различие в путях выздоровления, разнообразие в судьбах людей и в их кончинах. И вместе с тем нет никакой разницы - скрылось уже солнце или оно в середине неба, зашло оно за горизонт или только близится к закату". Можно ли теперь этому поверить? Ведь здесь он слышит то же самое, но только в формулировке астролога, чью лживость он испытывал на себе сотню раз (несмотря на это он каждый раз верит ему, так что если бы астролог сказал: "Когда солнце будет посередине неба, когда на него будет смотреть такая-то звезда, тогда гороскоп твой будет определяться таким-то созвездием, и если в это время ты оденешь новую одежду, ты будешь убит в той же одежде", то физик не стал бы одеваться, даже если бы ему пришлось страдать от холода, и несмотря на то, что ему уже доводилось слышать то же самое от астролога и убеждаться в его лживости).

Хотел бы я знать, как может человек, которому хватило ума соглашаться с этими суевериями, которому пришлось признать, что они представляют собой некие свойства, познание которых принадлежит чудесной способности некоторых пророков, как может этот человек отрицать подобные вещи, когда он узнает о них из высказываний правдивого пророка - из высказываний, правдивость которых подтверждалась чудесами и которые никем еще не опровергались как лживые? И если философ будет отрицать возможность существования таких свойств в числе ракаатов, в бросании камешками, в количестве основных правил паломничества и других обрядов, предписанных шариатом, то он не обнаружит никакой разницы между ними и свойствами лекарств и звезд. Он может сказать: "Я уже испытал кое-какие положения астрономии и кое-какие положения медицины. При этом я нашел, что некоторые из них верны, и моя душа зажглась доверием к этим положениям, и с сердца моего спали недоверие к ним и неприязнь. А этого я никогда не испытывал. Как же я могу знать о существовании и истинности подобных вещей, хоть ты и утверждаешь их возможность?" На это я отвечаю: "Не довольствуйся доверием к тому, что ты сам испытал и о чем ты слышал от тех, кто это испытал, и за кем ты последовал. Прислушивайся к изречениям пророков - они испытали это и узрели истину во всем, что говорится в шариате. Следуй за ними, и ты постигнешь некоторые из этих истин путем непосредственного созерцания". Вместе с тем я скажу: "Хоть ты и не испытывал этих вещей, разум твой повелевает, чтобы ты безоговорочно принял их на веру и следовал им.

Представим себе взрослого, умного человека, ни разу еще не испытывавшего болезни. Представим теперь, что он заболел и что у него есть милосердный отец, знающий медицину, чьи утверждения о познаниях в медицине он слышит с тех пор, как стал разумным. И вот отец приготовил ему микстуру и сказал: "Это помогает при твоей болезни и исцелит тебя от твоего недуга". Что же от этого человека будет требовать его разум, хотя бы лекарство и было горьким, омерзительным на вкус? Примет он его? Или же он возразит, сказав: "Я не могу уразуметь, какое отношение имеет лекарство к приходу выздоровления; я его никогда не пробовал". Несомненно, если бы он поступил подобным образом, ты принял бы его за глупца. Но совершенно так же за эту твою недоверчивость люди пронизательности глупцом считают тебя!

Если же ты скажешь: "А откуда мне знать, что Пророк (мир ему) милосерден и сведущ в медицине?", я отвечаю: "А откуда же ты узнал о милосердии отца своего? Ведь это не осязаемая вещь! Ты узнал об этом необходимым и бесспорным образом по обстоятельствам его поступков, по свидетельствам его поведения - по тому, чем он руководствовался в том или ином случае и что из этого получилось".

Кто вникал в высказывания Посланника Божьего (мир ему), в дошедшие до нас сведения о той заботе, с которой он вел людей по праведному пути, о многогранных проявлениях той его нежности и доброты, с которыми склонял он людей к улучшению нравов и исправлению поведения, или, короче говоря, к тому, что является единственным способом исправления их религии и их мирской жизни, - к такому человеку придет необходимое знание того, что милосердие

его к своему народу более велико, нежели милосердие родителя к своему чаду. И если он вникнет в изумительные деяния, открывшиеся перед ним, и в чудеса сокровенного, о коих известил он его устами в Коране и хадисах, если он вникнет в то, что говорилось им о последнем Дне, и если смысл сказанного он поймет правильно - он будет знать, что им достигнута ступень, расположенная выше разума, и что у него открылось око, перед которым обнаруживает себя сокровенное, то, что постижимо лишь для избранных людей и не постижимо для разума.

Таков путь приобретения необходимого знания через веру в Пророка (мир ему). Испытай же и изучи внимательно Коран, прочти хадисы - и ты воочию убедишься в этом.

Для философов указаний этих вполне достаточно. Остановились же мы на них здесь потому, что в настоящее время в них ощущается острая нужда.

Что касается четвертой причины, т.е. что касается ослабления веры среди людей вследствие дурного поведения ученых, то от этой болезни исцеляются тремя вещами.

Во-первых, ты можешь сказать: "Если взять ученого, позволяющего себе, как ты утверждаешь, совершать недозволенное, то знание его относительно недозволенности этих вещей подобно твоему знанию о недозволенности приятия вина и свинины, взимания взяток, а также - о недозволенности хулы, лжи и клеветы. Допускаешь же ты перечисленные вещи, зная об их недозволенности, не из-за неверия своего в то, что это есть послушание, но из-за одолевших тебя страстей. А страсти его - что твои страсти, и одолели они его так же, как и тебя. А то, что он знает вопросы, лежащие за пределами этого, коими он отличается от тебя, - это еще не значит, что он благодаря таким своим знаниям более воздерживается от совершения того или иного недозволенного деяния. Ведь сколько есть людей, верящих в медицину, и все же не удерживающихся от того, чтобы пить холодную воду, хоть делать это противопоказано им врачами! И это отнюдь не говорит о том, что эти поступки безвредны, или о том, что верить в медицину неправильно. Вот на чем зиждется ошибка ученых".

Во-вторых, простолюдину можно сказать: "Тебе следует верить, что ученый рассматривает свою науку как некий запас для потусторонней жизни и думает, что наука спасет его и будет для него заступником, полагая, таким образом, что благодаря этой науке он облегчит себе участь, когда будет держать ответ за деяния свои перед Всевышним. Наука может отяготить его участь, но в то же время она может в некоторой степени и облегчить ее - возможность того не исключена. Ученый мог бы и не совершать благих деяний - он был бы оправдан своими знаниями. А если бы ты, простолюдин, посмотрев на него, пренебрег благими деяниями, то дурные деяния твои, поскольку ты лишен его знаний, погубили бы тебя, ибо заступничества тебе искать было бы не в чем".

В-третьих, истинно то, что настоящий ученый совершает грехи лишь по недогляденю и абсолютно не упорствует в них, ибо настоящая наука - это такая, которая объясняет людям, что непослушание Всевышнему - губительный яд и что потусторонняя жизнь лучше посюсторонней. Тот, кто познал это, никогда не обменяет добро на то, что ниже его.

Это знание не приобретается благодаря тем видам наук, которыми занято большинство людей, - знание, получаемое людьми из этих наук, ведет лишь к тому, что они с еще большей дерзостью оказывают неповиновение Всевышнему Аллаху. Истинное же знание внушает обладателю своему еще больший страх и трепет и еще большую надежду, удерживая его от греховных поступков - последние совершаются им лишь в результате тех или иных промахов, неизбежно допускаемых людьми то в одном, то в другом случае, что, однако, отнюдь не свидетельствует о слабости их веры. Верующий, если он и совершает недозволенный поступок, раскаивается в нем, и он далек от того, чтобы упорствовать в греховных деяниях своих и погрязать в них.

Вот то, чего я хотел коснуться, порицая философию и учение талимитов, рассказывая о бедствиях, вызванных ими, и о бедствиях, вызванных теми, кто отвергал философию и учение талимитов не так, как это следовало бы делать...

